

Валентин Панкевич

Искры росы

Валентин Панкевич

Искры росы

Стихи
Проза

Минск
2002

Послесловие А. Железковского

Панкевич В.

Искры росы. Стихи. Проза. 2002. — 188 с.

Валентин Георгиевич Панкевич родился на Минщине в д. Аксаковщина. Детство прошло на заливных лугах реки Ислочь. Трудовой стаж начал исчислять с 16 лет на Минском хлебозаводе № 3. Потом — служба в войсках ВСО-МВД. После демобилизации долгое время работал на Минском часовом заводе: ученик-сборщик, мастер по ремонту часов.

Писать и печататься В. Панкевич начал поздно — в зрелые годы. Предпочтение отдает прозе. Его рассказы и зарисовки интересны прежде всего тем, что в основе своей содержат достоверные факты; образы героев, их характеры, убеленный сединой автор не придумывает на ходу — они давно им созданы, живут в воображении, остается лишь каждого из них перевести из жизни настоящей — в жизнь литературную, на страницы книги.

*Только чистое сердце
видит настоящую красоту.
Янка Брыль*

СОРВАННЫЙ ЦВЕТОК

Еще не растаял последний снежок,
но вырос красивый подснежник-цветок.
Путник шел по дороге дальней
и сорвал цветок.
Он судьбу его с печалью
положил в мешок.
И понес в пыли дорожной
радость, красоту.
Невдомек было туристу,
что сорвал мечту.
Рос себе цветок на воле —
радость всем дарил:
травам сочным, ветру, полю...
С небом говорил.

ПОЭТ И РУЧЕЙ

Течет ручей, бежит ручей...
Поэт спросил:
— А будешь чай?
Ручей ответил, не спеша:

— Пойми меня, — ничейный я.
Со всеми в дружбе и в ладу,
но сам себе принадлежу.
Поэт спросил:
— Куда течешь?
Кому струю любви несешь?
Ручей ответил:
— Видит Бог,
я сам себя от мук сберег.
Ты слышишь, как шумит волна?
Так знай, что состоит она
из гроз людских, из горя, зла...
Такой она всегда была.
Но есть во мне иной поток —
он выткан из криничных вод.
И он доступен лишь тому,
кто верен творчеству сему.

ОСЕНЬ

Пролетело лето.
Ветер. Мгла опять.
Серые деревья,
как шатры, стоят.
А в саду светлеют,
словно дно долин,
кисти ярко-красных
сумрачных калин.

* * *

Ты — память юности моей.
Ты — грусть моих прошедших дней...

Немимолетная любовь,
ко мне ты прилетела вновь.

В который раз тебя спросил:
— Кто нас навечно разлучил?

— Сердца мы не соединим...
Я не тобой живу, а им!

— Ты вправду не моя судьба?..
Я не могу забыть тебя!

Просил я Господа, молил,
но Он судьбу мне не сменил.

СНЕГОПАД

Что за чудо, что за сказка?
Все вокруг белым-бело.
Белоснежную рубашку
украшает серебро!

А деревья и кустарник
будто в мраморе стоят!

И не сразу опознаешь
всем знакомый летний сад.

Снегопад утих. Морозу
дал забаву в тот же день.
И с хрустальным перезвоном
ветки вытянулись в тень.

НАРОЧЬ

Милая, милая Нарочь!
Жемчуг, залитый водой!
Помню, как лодку качало,
и било о берег волной.

Усыпаны ноги цветами.
Взгляд твой горит, как восток...
Озеро грезило нами —
вливались мы в счастья поток.

Милая, милая Нарочь!
Никак нам тебя не забыть.
Давно наша юность промчалась,
а мы продолжаем любить.

ЛЮДЯМ XXI ВЕКА

Пусть солнце светит вам всегда!
И жизнь пусть вам продлится.
Пусть никогда в ваш мирный дом
война не постучится.

Пусть вам удачен будет путь.
И у костра святой свободы
встречаться будут все народы
на праздничный салют.

Мы дерзко жили в трудный век,
кресты сломав на Божьих храмах...
И не пристало больше нам
коней менять на переправах!

ВЕРА

Девчонка нежная,
ночь прохладная.
Сомкнулись сумерки
над рекой.
Покрылся луг
туманным инеем.
Остались мы
только вдвоем...

Дышало свежестью
и нежностью
с лица румяного
и сладких губ...
И я, забыв на все,
в ту ночь кромешную,
с тобой, невинною,
был нежно груб.

ОСЕНЬ

Серебрится листок на ветру.
В ярком золоте клен и рябина.
Завершая осенний круг,
дарит алые кисти калина.

Ярче звезд на реке — горизонт...
Удивила природа меня.
На закате осеннего лета
к нам на землю спустилась луна.

Над высокой этажкой повисла
и как-будто заре говорит:
— Солнце больше тебя не ласкает,
оно ярче меня не горит.

АКСАКОВЩИНА

Я вижу детство среди холмов,
деревня наша меж лугов.
Холмы покрыты все лесами.
Как на ладони перед вами.

МЕЧТА

Цветами весна полыхала,
когда я тебя повстречала.
У моря по берегу шел —
и что-то, казалось, нашел.
Лилово закат полыхал,
когда ты мне обещал
бусы янтарные сшить...
С мечтою легко можно жить.
Нас лодка любви понесла,
и была в ней наша мечта.

ЗАКОН ВОЗМЕЗДИЯ

Закон возмездия природы —
он есть закон большой любви.
Он всех увидит и запомнит
тех, кто людям навредил.

И час безудержной расплаты
пришел к тебе сквозь много лет.
Держи, потомок, ты ответ.
В деревне некому пахать —
крестьяне стали вымирать.
И что ни хата — то старуха.
Что ни колодец — то разруха.
Возьми сто хат иль сто стогов...
Один мужик на сто дворов,
который может сам пахать.
Младенцев некому рожать.

ГОНОРАР

Пришел в редакцию однажды
и положил тетрадь.
— Скажите, стих вы мой возьмете
и пустите в печать?
Сидевший буркнул:
— Пишут много...
Скрипят в ночи пером.
А заплатить готовы сами
за винегрет из слов?..
Но вдруг редактор улыбнулся
и стих мой похвалил...
Пожалуй, это самый первый
гонорар мой был.

ВАЛЯ

Ты смелой женщиной была —
в ночь незнакомца пригласила.
Нежна, прелестна и мила,
в ночи любовной расцвела.

Пусть те давно прошли года,
но держит память ночь ту крепко.
В душу мою вцепилась цепко
та прелесть ночи навсегда.

Былое снится иногда.
Воспоминанья душу греют —
от них любовью страстной веет,
и вновь я счастлив, как тогда.

ОСЕНЬ

Серебром покрыты листья
безымянного куста.
Ну, а клены золотистые,
словно храмы для Христа.

Солнце греет и ласкает.
Ветерок не навредит.
Осень тихо замирает,
паутинкою дрожит.

Стаи птиц и крыльев трепет,
журавлиный слышен крик...
Млечный путь им дарит небо —
он дорогою лежит.

МЕЛУЖИ

Прощайте, Мелужи,
прощайте, Ассари!
Теплом и заботой
вы нас повстречали.
Здесь было и чисто,
и было светло —
добрые люди
хранили тепло.
Зима здесь не люта.
Метель не страшна.
Мелужи не примут
зимою меня.
Здесь дуб и береза.
Сосны стройный ствол.
И чуткого клена
мы слышим здесь звон.

ИСПОВЕДЬ

Есть народная мудрость,
все которую чтут.

Она верна и скромна,
с ней по жизни идут.

Тот, кто вырастил сына, —
жизнь прожил не зря.
Он наследство оставил
и продолжил себя.

А сомнение мучит:
все ты сделал, что мог?
В наше трудное время
чем державе помог?..

Здесь геройства не вижу,
только долг я свой чту.
Все добро, как искусство,
приношу, как могу.

* * *

Я не придворный поэт,
вассалам стихи не пишу.
Лира моя воспевает
то, что в сердце ношу.

Не издавай, струна,
фальшивые звуки.

Прошу тебя, как человек,
познавший муки.

Славь правоту
и прославляй природу.
Служи во всем
творцу — народу.

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

И ушла ты с тревогой о детях.
Ты недолго в сем мире жила.
Не боялась ни бурь, ни метелей,
но себя уберечь не смогла.

Холмик твой, считай, по соседству,
навещать его утром люблю...
Не забыто мной трудное детство —
потому, может быть, и скорблю.

ЛИМАН

Уснул однажды я
на берегу лимана.
Мне снился в дымке
голубой лиман...
Вдруг предо мной
открылись двери рая —

и синеглазая вошла
в мой балаган.
Казалось, сад цветет
цветами не земными.
И смотрит ангел в даль
глазами голубыми.
Стоит он, трепетный,
у дерева любви...
Он — чудо из чудес,
весь полон белизны.

СТАРИКИ

Было время золотое —
любили мы, любили нас...
Но годы быстро пролетели,
и огонек любви погас.

УБИЙСТВО В СЕВЕРНОМ

БЫЛЬ

1. На месте преступления

Слух об убийстве в новом микрорайоне Северный быстро облетел поселок. И как всегда бывает в подобных случаях, предположения высказывались самые противоречивые. Одни в толпе у подъезда дома рассказывали, что жила, мол, тут красивая молодая женщина одна, к ней приходили кавалеры, а бывший муж приревновал и убил. Другие утверждали, что убили с целью ограбления...

Когда следователь Панов во главе оперативной группы прибыл на место преступления, он увидел молодую женщину, лежавшую на диване. Ее пухлые губы были полураскрыты, будто она хотела сказать что-то важное. Женщина даже сейчас казалась очень привлекательной, несмот-

ря на беспорядочно перепутавшиеся пряди длинных черных волос, уже мертвенно застывшее лицо. Жуткий синеватый след от шнура или тонкой веревки на шее притягивал взгляд, не оставляя надежд...

Панову показалось, что он ее где-то видел. Как бы заставил себя: «Надо вспомнить!..»

В комнату вошли понятия, приглашенные из соседней квартиры. Женщина начала рассказывать все, что знала о погибшей.

— Мира Хорошина была приятной соседкой. У меня с ней всегда были добрые отношения, — всхлипнула, помолчала и, вытерев слезы, продолжила: — Вот с замужеством ей не повезло. Говорила же: не выходи за деревенского, в городе женихов хватит...

— Как вас зовут? — спросил Панов.

— Марией Петровной, — ответила понятая.

— Посмотрите, пожалуйста, все ли вещи Миры на месте?

Женщина быстро открыла шкаф, где висели платья и пальто, заглянула в шкапулку.

— Вроде бы все на месте, — сказала. Прощлась туда-сюда. — Вот только магнитофона не вижу... Магнитофон у нее был японский, но его нигде нет. Мира еще объявление писала — решила его продать... К ней тут стал захаживать

новый кавалер... Она говорила мне как-то, что ей понадобились деньги.

— Откуда у нее такая дорогая вещь? — поинтересовался следователь.

— Подарок брата. Он моряк. В загранику ходит... Холостяк, зарабатывает хорошо...

И тут Панов вспомнил. Это было, кажется, в конце лета. Вот уже полгода, как он перебрался на новую квартиру — в отдаленный район города. После женитьбы старшего сына в старой квартире Пановых стало тесно. Нужно было решать, где жить молодой семье. Всегда считалось лучшим вариантом, когда молодые живут отдельно. Образовалась молодая семья, вот муж и жена и должны сами с первого дня, без давления со стороны, думать, как жить дальше. И в строительство этого семейного очага они должны вкладывать свой труд, а не родительский.

Посоветовавшись в узком семейном кругу, было решено вступить в кооператив. А эту квартиру оставить молодоженам, потому как очередь на улучшение жилья Панову старшему можно было чуть и ускорить.

Так и вышло. Дом построили всего за полтора года. С тяжелым сердцем оставляли старшие Пановы обжитой район. Но на какие жертвы не пойдут родители ради своих детей! Хорошо еще, если те когда-нибудь поймут это.

Там, где жили прежде, все было рядом: работа, магазины, кинотеатр. Здесь — только один универсам с постоянными огромными очередями. Единственным видом транспорта поначалу был автобус. На дорогу ежедневно приходилось тратить более двух часов. Радовало то, что жребий пал на второй этаж. Квартира просторная, с лоджией. Рядом лесопарк. Постепенно Панов стал привыкать к новому месту. И автобусных маршрутов с каждым месяцем прибавлялось. Даже появились знакомые пассажиры, всегда едущие в одно и то же время. Тряска в автобусе стала привычным делом.

Но однажды произошел случай, который запомнился. Пассажиров в тот день было мало. На остановке «Школа» зашла молодая девушка и остановилась впереди возле первых сидений. На вид лет двадцать с небольшим. Стройная. Длинные черные волосы ложились на плечи густыми прядями. На фоне темных волос и бровей кожа казалась очень светлой. Пухлые губы придавали острому лицу детскую полноту. Большие карие глаза жили своей, взрослой жизнью.

Грациозное, прелестное создание. Проехав две остановки, она обернулась к сидящему возле окна пассажиру и попросила закрыть окно. Панов только теперь заметил, что ее длинные во-

лосы треплет ветер. Простыть на таком сквозняке можно и в августе. Пассажир не реагировал.

Ему можно было дать лет сорок пять. Панов отметил неприятно бегающие маленькие глазки. Два передних зуба на верхней челюсти заметно выступали наружу и придавали лицу хищный вид. Чисто профессионально Панов скользнул взглядом по толстому, расплоснутому, как у боксера, носу. На правой руке, лежащей на спинке переднего сиденья, синело татуировкой восходящее солнце.

Поскольку просьба осталась без ответа, девушка сама дотянулась до окошка и закрыла его. После чего пассажир моментально среагировал — вскочил и с силой отдернул стекло обратно. На его руке живо оскалилась татуировка еще какого-то зверя. Другой пассажир, в форме военного летчика, лейтенант, сделал ему замечание:

— По-видимому, вы, гражданин, долгое время находились в столь холодных местах, потому вам и жарко в нашем городе. — Он подошел к окошку и закрыл его, приведя тем самым в ярость седого.

Назовем его условно так: Седой. Он тут же поднялся и стал со всей силой давить на стекло, чтобы открыть его. Но лейтенант не позволил ему это сделать.

— Я с белыми медведями боролся и побеждал!.. — закричал вдруг Седой.

Но лейтенант не уступил — удерживал оконное стекло до конечной остановки...

Та самая девушка со столь привлекательной и запоминающейся внешностью лежала теперь мертвая.

Первое расследование не дало ничего положительного. Криминалисты только пожимали плечами. А вся следственная группа говорила одно: чистая работа.

2. Мира

Небольшую биографию Миры удалось узнать без труда. В институте, где девушка работала, ее знали хорошо.

...Все началось с поездки в подшефный колхоз на полевые работы. Мира, как и большинство ее молодых сверстниц, бывала там часто. Но одно дело поехать весной или летом. И совсем другое — осенью, на картошку. Летом можно поработать в поле, позагорать. Рядом река Вилия, все там купались в обеденный перерыв. В последнее же время подруги стали замечать, что Мира охотно соглашается ехать в любое время года.

— Тебя в подшефный как магнитом тянет, — шутили они над Мирой.

Как-то Мира поделилась со своей подругой по институту, как они с Андреем проводили долгие летние вечера у реки. И что полевые цветы, собранные Андреем, ничуть не хуже тепличных, городских.

— Даже лучше, — горячилась она. — Половина из тех, что он мне дарил, обладают лечебными свойствами. А как он знает агрономию — какой он умница! — восторгалась девушка.

— Видно, твой Андрей еще и обладает чудосредством завораживать девушек, — засмеялась в ответ подруга. — Неужто решила оставить город, квартиру и уехать в колхоз?..

На это Мира ничего не ответила.

Скоро в проектном институте все знали, что Мира собирается выйти замуж за молодого агронома Андрея из подшефного колхоза. Вопрос о замужестве, судя по всему, был между ними решен обоюдно. Неясным оставалось лишь то, где будет жить молодая семья. Андрей звал к себе в деревню. Мира надеялась, что ей удастся переманить его в город. Тем более, что у нее есть, где жить. Как-никак — отдельная комната, хотя и на общей кухне.

Свадьбу сыграли летом в деревне. Мира на этот случай взяла очередной отпуск. Но время

отпуска пролетело быстро. Настала пора выходить на работу. А где будут жить, так и не решились.

Мира продолжала работать и жить в городе. Андрей по-прежнему — на селе. Частенько звонила свекровь, приглашала приехать хотя бы на выходные. Иногда Андрей приезжал к ней. Длинные беседы, где должны они жить, так ни к чему не привели.

Неопределенность измучила. Мира все больше убеждалась, что единственный выход — развод.

Случай, который с ней произошел, ускорил развязку. Захотелось ей купить красивую шапку из норки на зиму. Одна из ее институтских коллег сказала, что как раз нужную можно купить на базаре. Она, мол, знает женщину, которая, записав размер и фасон, недели через две выполнит заявку. Подороже, правда, обойдется.

В назначенное время Мира пришла в подъезд указанного ей дома. Около самого базара. К ней подошел парень и спросил:

— Вас интересует норка?

— Да, — ответила она.

— Смотрите, вот товар, — парень открыл дипломат. — Будет стоить три куска.

— У меня не хватит денег, — испугалась Мира. — Можно, я приду сюда завтра.

— Нет. Давай что-нибудь придумаем. Поедем к тебе домой, займешь у соседей.

Отказать ему Мира не решилась. Чем-то он ей даже понравился.

После этого Николай стал часто бывать у нее дома. Иногда вместе с ним приходили его друзья. Послушать музыку. Прокручивали новые записи на магнитофоне. Это была, пожалуй, самая дорогая вещь в ее доме. Друзья Николая восторгались качеством звучания японской техники. Иногда все вместе они посещали местный ресторан «Радуга».

Вот и все, что смогли рассказать институтские приятельницы Миры. Ни фамилии, ни места работы Николая никто не знал. Пропал после убийства и магнитофон.

«Хм, Николай... Не было ли здесь связи?» — Панов сосредоточился.

3. Ниточка

Помог случай. Однажды в опорный пункт охраны правопорядка патрульный милиционер привел сильно захмелевшего парня. Был составлен протокол для отправки в медвытрезвитель. При составлении описи личного обыска в сумке парня был обнаружен магнитофон. На вопрос, где взял его, парень ответил не совсем внятно.

На всякий случай проверили, не числится ли таковой на чьем-то деле. Оказалось, что это тот самый магнитофон, что пропал при убийстве на Северном поселке. На допросе у следователя некий двадцатилетний Павел Смирнов вел себя нервно. Ему пришлось рассказать следователю, что магнитофон дал на продажу мужик по кличке Седой.

— Где вы с ним познакомились?

— В ресторане. Мы с приятелями подошли к ресторану «Радуга», хотели зайти побалдеть. Но мест не было.

— Как зовут приятеля?

— Николай... С ним была еще клеваая чувиха.

— Как фамилия Николая, что вообще о нем знаешь?

— Фамилией не интересовался, где работает — тоже. Знаю, что часто ездит по городам, покупает-продает. Среди дружков носит кличку «фарцовщик». В ресторан нам удалось пройти. Николай потом мне сказал, что Седой дал в лапу швейцару. Тогда я и познакомился с Седым. Чем он занимается, тоже не знаю. Знаю только, что у него всегда есть деньги.

— Заходил ли разговор о том, где вы еще проводите время?

— Был такой грех... Он даже спросил, между прочим, адрес Николаевой подруги, я и сболтнул

по пьянке. Седой сказал еще, что он Николая мало знает, возможно, придется когда-нибудь через нее его найти.

— Встречались ли вы еще? И как попал в ваши руки этот магнитофон?

— Через какое-то время после встречи в ресторане я подошел к пивбару, пиво как раз давали... Откуда ни возьмись — Седой. «Что-то я тебя в ресторане больше не встречаю», — говорит. «Нет денег», — пожаловался я. Вот тут он и предложил сбывать этот магнитофон.

— Когда это было?

— Вчера.

— Где живет, знаете?

— Где-то на Северном поселке.

4. Вторая встреча

Была у Панова на примете на Северном поселке одна группа-не группа — компания, занимавшаяся подозрительными делами.

Дело было так. Однажды в январский морозный вечер на остановке возле поликлиники было безлюдно. Если не считать двоих пассажиров, полной женщины лет сорока с большой хозяйственной сумкой в руках да самого Панова. Не сразу он заметил мужчину, стоявшего в стороне от остановки, кажется, более даже прячущегося

за книжно-газетным киоском, наверное, от пронизывающего ветра. Одет-то он был явно не по сезону. Старая куртка болонья черного цвета, демисезонные полуботинки, похожие на те, в каких обычно дачники работают в своем огороде. «На вид — лет пятидесяти, — отметил Панов почти автоматически, сам поеживающийся от холода. — Худое лицо покрыто старческими морщинами. А вот редкие рыжие усы приметно торчали из-под острого носа. Они резко бросались в глаза, словно пучки нескошенной прошлогодней травы, забытой людьми на осеннем поле...» К тому же, Панов еще подумал: без такого типчика ни один наш детектив не обходится, по их логике, он обязательно должен быть связан с дурной компанией; ему очень подошла бы кличка Сморчок. Про таких еще Максим Горький точно заметил: «Бывшие люди!».

В самом центре остановки, на вытоптанной тысячами ног дорожке, сидел голубь. Вернее, он лежал на морозном грунте, подобрав под себя лапки. Женщина, стоявшая рядом, доставала из сумки ломтики хлеба и бросала ему. Голубь, не поднимаясь, клевал их вокруг себя, насколько позволяла длина шеи. «И среди братьев наших меньших тоже встречаются исключения, — подумал Панов. — Вместо того, чтобы укрыться от ветра и мороза где-нибудь на чердаке дома,

он сидит на ледяной земле». Чтобы не замерзнуть в ожидании автобуса, Панов опять стал двигаться по остановке. Десять шагов вперед и столько же назад.

Меряя очередные десять шагов, заметил еще двоих пассажиров. Они появились так неожиданно, что трудно было понять, откуда и взялись, словно выросли из-под земли. Подойти незаметно, казалось, было невозможно. У каждого в руках по чемодану. «Я их должен был заметить, разве ж только они вышли со двора поликлиники, — решил Панов. — Но тогда почему они с чемоданами, да в такой поздний час?.. Вот и третий подошел к ним. Да это же Сморчок, что стоял за киоском. Знакомы они между собой, что ли?»

Панов удлинил свою прогулочную дистанцию еще шагов на десять. Чтобы подойти поближе к тройке. Один из них был на редкость полным. Выше среднего роста. Черные густые брови свисали на самые глаза. С его и без того полного тела резко пятился наружу круглый живот, словно большой арбуз. От этого серое пальто казалось вот-вот лопнет или разойдется на застежке.

Автобуса все не было. И прогулки Панова по остановке продолжались. Когда он в несчитанный раз проходил мимо подозрительных пасса-

жиров, отчетливо услышал хрип толстого: «Братъ мотор». Через несколько минут около остановки затормозило такси, и Панов услышал: «Поселок Северный».

Но вот что странно — в машину садились уже четверо. На предложение водителя поставить вещи в багажник они ответили отказом.

«Непонятно, откуда взялся четвертый?» — машинально отметил Панов, но успел взглянуть на номер машины.

Теперь, спустя время, он вспомнил об этом и поинтересовался, не было ли в тот вечер в названном районе какого-либо происшествия. Оказалось, ограбление со взломом квартиры, хозяева которой вечером ушли в гости. Что, если ограбление дело рук той самой компании? И кто третий?

С помощью водителя такси удалось «вычислить» компаньенов. При обыске в частном доме на Северном поселке одна из комнат, сдаваемая постояльцу и имевшая отдельный вход, оказалась забита ворованными вещами. Хозяйка ахнула, когда увидела, сколько добра поместилось в ее маленькой комнате.

— Теперь понимаю, почему он врезал в дверь свои замки, — сказала она.

В этой комнате, набитой сверху донизу товаром, и был арестован Седой. И вот он сидит в кабинете следователя и молчит.

— Знаете, а мы с вами однажды уже встречались, — начал следователь.

— Этого не может быть... Я новичек в вашем городе. И здесь никого не знаю, — отреагировал Седой.

— А эту особу вы тоже не знаете? — следователь показал фото Миры.

Девушка была сфотографирована во весь рост. Длинная до пояса черная коса привлекала внимание и делала ее очень заметной. Как в тот августовский день в автобусе...

— Нет, не знаю, — даже покачал головой Седой.

— Врете вы все, — не сдержался Панов. — Вот я видел ее дважды. Один раз живую, а второй — мертвую... Видишь ли, Седой, все в жизни происходит по теории вероятности... Рассказывайте, как узнали ее адрес? Что вас толкнуло на убийство? Вы ведь были ранее судимы только за грабежи.

— Адресок я узнал у Павла Смирнова в ресторане, — после долгого молчания решился Седой. — Услышал их разговор о магнитофоне. Потом от того же Смирнова — что Николай уехал в Ригу с товаром. Вот я и решил прибрать магнитофон. Но убивать я не хотел. Я не ожидал встретить ее дома. Пришлось сказать, что я

по объявлению. А она — мне: «А я вас знаю...» Ну, я испугался...

За эту ниточку был раскручен весь клубок. Седой, как выяснилось, приехал в наш город после освобождения из лагеря. Часто менял работу, квартиры. На какое же приличное место примут человека без прописки? Зарабатывал мало, это обстоятельство не устраивало. Случайная встреча на улице с Морщинским, по кличке Сморчок, с которым сидели в одном лагере под Магаданом, вернула к старому. Через Сморчка познакомился с человеком по кличке Арбуз. Они и помогли Седому найти удобную для их дел комнату...

О многом рассказали люди и вещи из комнаты на Северном поселке. Немало нераскрытых дел из архива подняли работники милиции и смогли теперь закрыть их.

СУМКА

Эта история началась еще до революции семнадцатого года...

В деревне Лесная по соседству жили два крестьянина: Игнат и Роман. Но, как это часто бывает с соседями, дружба у них не клеилась. Хотя социальных причин для раздора и не было. Оба

по меркам прибыли числились в середняках. Правда, характерами были разные, и хозяйства вели по-разному. Игнат работал через пень-колоду. Засеет кое-как свои шесть гектаров, уберет кое-как урожай и — быстрее на базар. В Ракове купит жеребца, а в Минске продаст. В Воложине купит телку, а в Заславле продаст. И Роман, будучи человеком порядочным, за эти дела его недолюбливал.

Сам-то он с полной отдачей все лето от зари до зари поливал землю крестьянским потом. Зимой шил кожухи, честно зарабатывая себе на жизнь. В добавок ко всему, их отношения портили еще и шутки Игната. Вышел как-то Игнат в свой огород, поставил на столбик забора две рюмки водки и ждет соседа, когда тот пойдет в ток за сеном. Проходит сосед мимо, а он да и останови его:

— Подойди ко мне, давай выпьем по рюмке.

Подошел Роман к соседскому забору, а Игнат взял обе рюмки в руки — тюкнул друг о дружку и сказал:

— Будь здоров, Игнат! — И обе выпил сам; бутылку с недопитой водкой сунул в карман и пошел в дом.

Роман, будучи человеком гордым, остался обиженным и униженным. В деревне говорили

не только о Игнатовых шутках, но и о том, что он от «купи-продай» имеет большие деньги, и потому приобрел для них специальную сумку, с которой никогда не расстается. Даже во время сна. И будто бы она у него на груди висит — на тесьме, накинутой петелькой на шею. Бережет он эти деньги на приданное своей дочери.

И сваты приезжали — пили, гуляли. Складывалось впечатление, что их не столько интересует невеста, сколько сумка с деньгами. И вправду, когда приезжие подпили, то сват молодого и говорит хозяину:

— Мы хотели бы, Игнатий, посмотреть на вашу знаменитую сумку... Говорят, она разбухла от денег. Это правда?

Жалко стало Игнату сумки своей, и он сказал:

— Нет у меня больше сумки — потерял... И никак не могу найти. Может, и украл кто.

Приезжие дружно засмеялись, сели в сани и укатили домой. Дочка Игната так и не вышла замуж, а «сумка» нашлась как раз тогда, когда она уже не могла никому принести ни счастья, ни материальных благ: Игнат умер сразу после революции. К тому времени новый режим отпечатал свои деньги, а доллары большевики совсем не признавали.

Клад обнаружили, когда разбирали старую Игнатову хату, в потолке. В основном это были российские сторублевые купюры с портретом царя, гордо стоящего в полный рост с саблей на боку, и американские доллары. Среди них попадались золотые монеты. Денег было так много, что ими можно было бы поклеить стены большого дома.

Дед Ильюк только и сказал:

— Сколько добра пропало!.. Игнат мог бы построить за эти деньги хороший маёнтак, но пожадничал — и вот результат: дети остались без дома.

Рядом стоящий старик возразил ему:

— Так-то оно так, но, может, оно и к лучшему: большевики все равно бы забрали маёнтак, а хозяин угодил бы в Сибирь.

Но время шло. И несмотря ни на что, потомки Игната построили-таки себе небольшую хатенку. Получили пятьдесят соток земли от советской власти — и как будто смирились со своей долей. И никто в деревне Лесная не мог и подумать, что очень скоро придет страшное время...

А это страшное время пришло в июне сорок первого года — немецкая оккупация. В деревню с переменным успехом наезжали то немцы, то партизаны. И те, и другие занимались грабежом,

разбоем. За любую обиду люди стали платить жизнью. И как это бывает, родители умирали, а вражда оставалась жить и переходить к их детям.

Сын Игната ушел в партизаны. Он часто приезжал к своему соседу Василию. Не убивать его, ему это было невыгодно. Он требовал от соседа водку, закуску, одежду. Иногда ставил его к стенке, чтобы показать, что может и застрелить.

Шутки сына Игната были более жестокие и невыносимые, чем его отца. Все эти права давала ему война. Василь терпел, сколько мог, но однажды при очередной попытке вымогательства сказал:

— Больше не могу, пусть нас Бог рассудит!.. — Снял кожух, стал на колени у иконы, перекрестился. — Стреляй!

И сосед отступил. А через несколько дней произошло чудо: бравый партизан, не рассчитав свои силы, принял большую дозу самогона и скончался... В деревне говорили, что Бог услышал молитвы Василя. А Ганна-гадалка сказала, что это все сделал закон возмездия.

Василь же вырастил двоих сыновей и прожил более восьмидесяти лет.

КОЛОДЕЦ

Кто из нас, сельских жителей, не мечтал иметь свой колодец? Лучше не придумать, когда вода недалеко от дома. Имея рядом колодец, не нужно идти с ведром на середину деревни и не везти на санях в холодный зимний день воду в бидоне...

А какое удобство колодец создает на дачном участке! Есть свой колодец — и на огород вода для полива поступает без перебоев.

Выкопать хороший колодец может далеко не каждый, назвавший себя специалистом. С такой проблемой столкнулся и я, когда мне, как воздух, нужна была вода на участке. Копали такие «специалисты», что пришлось все по-новому делать. Добрые люди посоветовали обратиться к Шустовскому, который живет в деревне Тресковщина. Колодец он мне восстановил, исправил допущенные ошибки. И тогда я решил написать о нем. Пусть кто-то прочитает мой рассказ и воспользуется природным даром народного умельца. Родился Чеслав Брониславович, как он сам любит говорить, за польским часом. Мастерство копать колодцы перенял от деда. Копает дед, а внук рядом стоит; подучился и стал помощником. В панской Польше был развит частный сектор: хутор — единоличное хозяйство.

Тогда-то и понадобились колодцы. Копали польской шляхте, зажиточным мещанам. Придут нанимать деда и говорят, что место низкое, вода рядом. У деда уже был такой-сякой опыт: хоть вода и рядом, но не всегда можно копать... Если на указанном месте опустить сруб, его поглотит дрыгва.

Однажды приехал к деду пан и говорит:

— Возьмите, сколько пожелаете за работу, но колодец должен быть хороший, с журавушком, — уточнил наниматель.

Дед поговорил с братом, который помогал ему в этом деле, и согласился. Копали долго. Опустились в землю глубоко. Дышать становилось все труднее. А пан на своем стоит: «Дайте воду!.. Золотых не пожалею». Воду дали, а журавль не стыкуется. Ведро цепляет за стенку сруба — слишком большой угол наклона. Еле уговорили пана сделать вертушку с цепью.

— Мне досталась нелегкая доля, — говорит мой собеседник. — Случай и смешной, и трагический. Копал я одному директору совхоза колодец. Грунт тяжелый — камень, щебенка, глина. Глубоко зашли в землю, одиннадцать колец опустили. Посмотрю вверх: звезды светят, вся Галактика, как на ладони лежит. Стали поднимать ведро с грунтом, а веревка возьми да и порвись. До сих пор швы остались на голове от

ведра... А вот еще. Копали на даче одному большому начальнику, а в его семье жил прапрадед. Было старику уже за сотню, он узнал, что во дворе копают колодец. И решил: пойду, мол, посмотрю. Подошел, нагнулся, а голова закружилась, и он чуть было не упал в колодец, но рядом стояли его правнуки и успели схватить за ноги...

— И сколько колодцев на вашем счету? — спросил я Шустовского.

— Если подумать, то более двухсот.. Пришлось перенести и тяжелую болезнь. Застудил ноги... Лечился в больнице, в Боровлянах. Сделали много блокад, но не помогло. Нашел народного лекаря, тот и справился с моим недугом... Вот если и теперь придет ко мне хороший человек с просьбой выкопать ему колодец — выкопаю!

ВЫДРА

Солнце клонилось к закату, когда мы с Димкой собрались идти на рыбалку. Дима, мой дальний родственник, был на два года старше меня. Наши юные годы прошли бок о бок. Вместе мы пасли лошадей в ночном, вместе работали в поле. Тяжелый крестьянский труд рано лег на наши плечи, и это еще больше сдружило нас.

К рыбалке мы начинали готовиться загодя. Вечерами мастерили сетку, правда, сетью ее назвать было трудно: обыкновенный полотняный мешок с натянутым на него обручем из тонкой лозы. К обручу прикрепляли рогатину с длинной ручкой. Опустив конструкцию в воду, ее можно было прижать ко дну и держать. С этим хорошо справлялся Дима. А я, отойдя подальше, сильно бил шестом по заторам, где любила стоять рыба, гнал ее в ловушку.

От нашей деревни в километрах двух с гаком и берет свое начало Исlochь. Из ее ключей в годы войны пили воду партизаны отряда имени Щорса. Как раз в этом месте у нас лучше всего получалась рыбалка с нашим мешком. Отправляясь на рыбалку, мы мечтали наловить стронги или хотя бы взять несколько раков. Стронгой в наших краях называют форель. А щуки и выдры мы боялись. Из рассказов старших знали, что много лет назад загадочная щука-хищник, обитавшая в озере у мельницы, спустилась по течению реки в наши места. Про ее говорили, что это она поедает деревенских уток. Однажды эта щука съела даже поросенка, спустившегося к воде искупаться.

Насчет выдры также ходили различные легенды. Говорили, что этот зверь наиболее опасен в

воде. Выдра из воды на берег выкапывает несколько нор. Никому из местных жителей не удавалось поймать выдру. А если кто-то и видел ее, то рассказывал об этом как об исключительном случае.

Помню, как-то мать сказала:

— Андрейка, ты очень часто ходишь на реку купаться... Знаете ли вы с Димкой, что в нашей реке живут хищная щука и коварная выдра? Они опасны для детей.

Материнские слова крепко запомнились. Незаметно мы пришли к месту рыбалки. Приготовили банку для будущего улова. Дима, как более опытный, показал мне, где лучше ставить снасть, а сам пошел гнать жердью рыбу. Я со всей силы налег на рогатину и прижал ее ко дну реки. Дима громко стучал по воде шестом и с каждым ударом приближался ко мне. Когда он почти вплотную подступил к снасти, я почувствовал, как кто-то сильно дернул мешок. Быстро поднял рогатину вверх. Мешок был тяжелый. Вдвоем мы с трудом выволокли его на песчаный берег. И тут случилось неожиданное: наш мешок поднялся, начал словно бы отряхиваться, а потом и раз прыгнул в сторону, и другой... Испугавшись, мы стремглав помчались к лесу.

Не помню, сколько времени бежали. Запыхались и замедлили шаг, обнаружив, что никто нас

не преследует. Страх — страхом, но любопытство взяло верх. Медленно, оглядываясь по сторонам, мы возвратились к реке. Осторожно приблизившись, увидели какое-то животное, быстро освобождавшееся из нашего мешка. «Выдра!» — поняли мы. Отряхнув с себя мешок, зверушка тут же юркнула в воду.

Страх как не бывало. В нашу примитивную снасть попала совсем не коварная, а самая обычная, хорошо знакомая деревенским ребятишкам выдра.

САЛО

Эта история произошла в войну. О том, что голод не тетка, хорошо помнил старый Павлюк по кличке Килач. Прозвище это получил он за вечно мучавшую его грыжу. Надорвался когда-то крестьянский сын, и горевал с болезнью.

Как-то зимой он заколол кабана. Совершив такое важное дело, позаботился о сохранности туши. Причин для беспокойства было предостаточно. Ночью по деревням часто шастали «лозовики» — так деревенцы называли вооруженных бродяг, которые прятались в Лозовом урочище, как от немцев, так и от партизан. Жертву они выбирали загодя, тщательно готовились. Брали все, что попадется под руки...

Днем в окрестные деревеньки наезжали немцы — и тоже грабили подчистую. Зима первого года войны была не только холодной, но и голодной. Павлюку о том, считай, каждый день напомнила его большая семья. Кроме жены, кормил он семерых ребят и тещу, хорошо понимая: случись что с кабаном — в его избу придет голод.

По иронии судьбы в их деревне тайком объявился довольно дебелий мужик Семен. Жил он до войны в городе. Теперь же поселился на чердаке у своей тещи, как раз напротив дома Павлюка. Прodelав в защитке щелочку для подсмoтpа за тем, что происходит в деревне, коротал он там дни и ночи. В эту ночь, когда Павлюк старательно закапывал в саду сало, Семен-чердачник за всем этим наблюдал с бьющимся от радости сердцем...

Надо же, сало исчезло буквально на вторую ночь. Обнаружив пропажу, убитый горем Павлюк, пошел к гадалке. Та раскинула карты — и все, как есть, предсказала: «Человек, который придет к тебе утром через три дня, чтобы одолжить домашнюю вещь, и будет вором».

Трое суток в ожидании грабителя тянулись долго. Утром четвертого дня хозяин приготовил топор, чтобы убить вора.

И вот — в наполненный горем дом Павлюка появился парень. Сын его дальней родственницы, жившей через несколько хат, у колодца. Короче — свояк. И что совершенно обескуражило Павлюка, так это просьба его: он просил одолжить топор, который, как известно, и есть «домашняя вещь». Нисколько не сомневаясь, что перед ним — вор, Павлюк решительно занес топор над головой пришельца. И сотворил бы преступление, но молодой человек проявил завидную расторопность — увернулся от удара и, не мешкая, кинулся вот из хаты. Павлюк — вдогонку. И бежал он с поднятым топором по деревне, бормоча проклятья. Остановился у калитки родственницы, так и не догнав парня, который, как оказалось, только по вине гадалки был виноватым.

Сельчане потом дружно говорили, что помешала Павлюку убить своего племяша грыжа. А то — быть бы беде.

Молчал только Семен-чердачник, по-прежнему наблюдая за сельчанами со своего тайного убежища. По ночам он выходил на «охоту» — рыскал по ближним околицам, выискивая случайную добычу.

СЛУЧАЙ

Дождь пошел в пять часов утра. На дворе стоял ноябрь, и нередко в эту пору на заславских полях уже лежал снег. А в тот памятный год осень была на редкость теплой и сухой.

Николай Петрович, можно сказать, привык к такой погоде. Он решил с утра пойти на дачный участок. Нужно было обвязать деревья, чтобы заяц зимой не испортил кору. Радости ему непогода не принесла, но печалиться он тоже не стал. Мысли о том, что всю осень не было дождя, волновали его. Он думал о будущем урожае. Ведь почки садовых деревьев в осенний период должны взять все необходимые элементы для будущих плодов. А вода в этом процессе играет ведущую роль. Потому он спокойно сложил все необходимое в вещевой мешок и пошел под мелким грибным дождем. От дома до участка было километра два. К даче вела полевая дорога. Нужно было по ней пройти крупным шагом. Потом будет небольшой лесок, поле, а за ними — Бурьянов Кут. Там-то и раскинулся садоводческий кооператив. Название местности полностью соответствовало качеству земли, которую получили дачники от местного колхоза. Весь участок был завален камнем-валуном. И потому, что почва здесь бедная, повсюду рос мелкий кустарник и

бурьян. Даже единоличник-крестьянин в прошлые времена, когда не хватало пахотной земли, не решался обрабатывать этот кут. Так и лежал он до наших дней пустырем. Пришли садоводы. Они собрали деньги, наняли технику и выкорчевали деревья, убрали камни и вспахали дирван. Все это проделали спульно. Потом землю поделили между членами кооператива. Киркой и лопатой начали люди рыхлить свои сотки. Прошло время. Выросли домики, зазеленели палисадники — Бурьянов Кут превратился в цветущий сад...

Об этом думал Николай Петрович, преодолевая свой нелегкий путь к участку. И вспомнился случай с его новым соседом. Ранше он никак ведь не мог понять, откуда берутся нелюди?! Его бывшие соседи-старики не смогли работать на земле. Дом с огородом продали кавказцу. За три года новый хозяин участок превратил черт знает во что: уничтожил цветник, поставил высокий забор, на участке появился, похоже, чертополох, бурьян и еще что-то... К соседу постоянно приезжали бритоголовые парни, привозили ящики, увозили тюки с непонятным грузом. Бывало, всю ночь в окнах горит свет и слышны пьяные голоса с кавказским акцентом. Все это не нравилось людям, жившим рядом. Но они ничего не могли

поделать. Ждали перемен и говорили, что всему приходит конец...

И вот однажды дачники стали свидетелями, как милиция от кавказца выносила коноплю, из которой он, оказывается, изготавливал наркотики.

МУЖИК И ОБОРОТЕНЬ

В одной небольшой русской деревне жил бедный мужик. Работал он в поле (в поте лица) от зари до зари. А хлеба своего на столе семья не имела. И вся беда была в том, что лошади его постоянно погибали. Не зря же о коне есть загадка: не столяр и не плотник, а первый на селе работник. Лошадей-то мужик покупал каждый год, но жили они только до весны. Как пустит на траву, так волк коня и зарежет...

Горевал бы человек неизвестно как долго. Но добрые люди посоветовали ему пойти погадать к ясновидцу. Встретился он с предсказателем судеб и рассказал о своей горе. Выслушал его кудесник внимательно, а потом говорит:

— Принеси с гривы своей лошади три волоска и два ноготка с копытка. И постоим мы с тобой под звездным небом. И увидишь ты того, кто делает зло тебе на пользу себе.

Дождались они звездной ночи и увидели, как сосед бедняка Авин вышел из дома, подошел к пруду, ударился головой о землю и тут же превратился в черта.

— Вот теперь можно и рассказать, как избавиться от оборотня, — сказал кудесник. — Привяжи своего коня около леса. Сам полезай на дерево. Сосед скоро придет и вобьет в землю четыре колышка. Первый перепрыгнет — и у него появится хвост. Второй перепрыгнет — и у него появится волчья голова. Третий перепрыгнет — и у него появятся волчьи ноги. Четвертый перепрыгнет — и покроется он весь шерстью и станет нападать на твою лошадь. Ты в это время слезь с дерева и вырви из земли первый колышек. А когда дьявол-человек захочет принять прежний вид, он станет перепрыгивать колышки в обратном направлении. Дойдет до первого, а его нет. Как он не будет прыгать, а останется с хвостом, и придется ему идти домой в таком виде...

Пошел бедняк в управу, рассказал все уряднику, что он увидел в лесу и как оставил оборотня с хвостом. Оправился урядник вместе со старостой к Авину, стащили его с печи и отрубили хвост. А когда злой чародей лишился хвоста, то и лишился всех чар.

БАЛЛАДА О ПРЕКРАСНОЙ ЛОШАДИ

Судьба этой лошади схожа с романом. Она коснулась трех поколений нашего рода. Купил ее мой дед жеребенком в местечке Раков. Вырос малыш в нашей усадьбе и превратился в красавца-коня темно-малиновой масти. С длинной каштановой гривой, широкой грудью. По рассказам отца его старший брат Антось сильно привязался к коню. Постоянно ездил в ночное. Пас на лучших заливных лугах. Поил ключевой водой. За что конь и получил кличку Антось. Но если быть справедливым, то надо сказать, что в селе его называли ласково — Антик. Видимо, за спокойный характер.

Антик хорошо понимал людей. Скажем, когда подходил к нему малыш с желанием прокатиться, он тут же опускал голову. Мальчик садился на шею, а умная лошадка забрасывала его к себе на спину.

И вот пришло время запрягать Антика в плуг. Ранней весной впервые решили на нем распашать около дома небольшой участок земли. Пришли даже соседи посмотреть, на что способен этот красавчик.

Накинули ему на шею хомут. Зацепили пастромки за коромысло. Дед шел за плугом, а отец вел коня за уздечку, чтобы проложить первую

прямую борозду. Конь шел без рывков и скачков. Соседи удивлялись: мол, такое редко бывает с новичками. А старейший житель деревни Игнат даже сказал добрые слова:

— Тебе, Юрась, повезло с покупкой. На единоличном хозяйстве это просто золото, а не конь.

Но судьба распорядилась иначе: не долго Антик ходил в дедовой упряжке. В России свершилась революция. Повсюду началась сплошная коллективизация. Антика пришлось отдать на колхозный двор. Местные лихачи, проезжая мимо нашего дома, гнали Антика со всех сил. А он каждый раз обязательно останавливался у ворот и стоял до тех пор, пока бабушка Мария не вынесет ему кусочек хлеба. Были случаи, когда, уловив удобный момент, убегал из конюшни. Перепрыгнет через ворота и спрячется в сарае.

Но время меняет все. Не знал Антик, что война, пришедшая на белорусскую землю в сорок первом и принесящая людям много горя, послужит ему вернуться домой. С приходом немецких оккупантов, колхозы развалились. Все колхозное имущество поделили по дворам. Моего отца исключили из жеребьевки, отдав ему Антика без хомута и телеги. Такое решение принял старшина деревни. Он напомнил сельчанам о взаимной любви лошади и человека. К тому еще

добавил, что лошадь уже немолодая и должна доживать свой век на родном дворе. Но хрупким было счастье Антика и людей, живших рядом с ним. Беда не отступила, она только притаилась, чтобы сильнее ужалить.

В деревню стали часто наезжать то полицаи, то партизаны. И тем, и другим нужны были лошади для обоза. К слову будет сказать, обозами жители в наших местах называли рейды, которые совершали партизаны в тылу врага. И Антик часто отправлялся в дальнюю дорогу. Наша семья переживала за своего любимца, вспоминала его умение выходить из трудного положения.

В соседней деревне жил одинокий старик. Отец моей мамы. В холодную военную зиму у него не было дров, чтобы протопить печь. Не сказав ни слова взрослым, мы с сестрой запрягли Антика и поехали в соседний лес. Спилили сухую сосенку, уложили на сани и начали думать, как выехать на проселочную дорогу. У меня в этом деле было мало опыта, а у сестры и подавно. Я решил, что проеду между сосной и старой елью, но чуть не рассчитал. Как только сани поравнялись с деревьями, поклажа намертво прижала меня к сосне. Вожжи сами выпали из рук. Конь стал неуправляемый. Сестра заплакала

горькими слезами. Плакала и приговаривала, что с нами будет? Антик посмотрел на меня добрыми глазами. Безо всякой команды повернул оглобли вместе с возом от несчастной сосны, освободив меня из капкана. Дальше все сложилось удачно. Дрова мы доставили дедушке. Он был очень благодарен и не переставал восхищаться умницей Антиком. А на прощание дал нам кусок сала.

Но через несколько дней нашего коня снова забрали в обоз. И на этот раз он как в воду канул. И не было никакой надежды, что его вернут.

Надо было что-то делать. Пошел отец искать своего любимца по соседним селам. Много деревень прошел. Уже всякую надежду потерял. Собрался домой идти с пустыми руками. Но на его пути была река Исlochь. Подошел к ней и на противоположной стороне увидел того, кого искал. Не успел он придумать, как перебраться на другой берег, а его Антик, порвав привязь, быстро переплыл реку. Подбежал к отцу, стал на колени, чтобы хозяину легче было сесть верхом. Так отец и конь на радостях вернулись домой.

Вскоре была освобождена Беларусь от немецких захватчиков. Правление колхоза решило в очередной раз не забирать Антика, поскольку он уже был старичком.

МАЛИНОВКА

Весна выдалась дождливой. Весь май шли непрерывные дожди. Огороды затопило. Для травы наводнение было прямо благодать. Она так и полыхала кверху, и к концу весны уже была по плечо рослого человека. Правда, в первых числах июня дожди прекратились. Природа как будто вылила весь свой дождевой запас влаги — пришло теплое сухое лето. На лугах уже нужно было начинать покос, но крестьяне, занятые своими повседневными делами, не спешили с косьюбой. Одуванчик давно отцвел и отправил на своих маленьких парашютиках семена в соседние огороды. А когда одуванчик отцвел, сено косить пора. Так гласит народная мудрость.

В моем палисаднике травы тоже перестояли. Я давно ждал, что мой дальний родственник лесник Валерий Иванович сдержит свое слово и поможет мне. Но он все не шел. Но как-то проснувшись в шесть утра, я был приятно удивлен: трава в палисаднике лежала на земле, как срубленный лес. Лесник ходил между прокосами и, кажется, был чем-то расстроен. Когда я подошел к нему, то он удивил меня еще больше. Ни слова не говоря, указал рукой мне на куст сливняка, росшего рядом с малинником. Я стал вниматель-

но рассматривать куст и не сразу заметил гнездо малиновки, которое повисло между веток. В гнезде лежало пять небольших яичек.

— Птичка улетела... Испугалась человека, — после долгого молчания сказал лесник. — Высокая трава закрывала ее домик от человеческого глаза. Теперь птичка может оставить гнездо...

Прошло несколько часов после нашего разговора. Со своего двора я заметил, что малиновка примостилась на соседнем кустике и не собирается садиться на гнездо. Тут я начал думать, как помочь ей. И решение пришло само собой. Помог случай. Мне были нужны ветки лозы, чтобы подвязать стебельки гороха. Вот я и подумал: «Нельзя ли лозой обставить кустик, на котором висит гнездо?» И когда я все это сделал, наседка вернулась в гнездо.

Сам я стал жить надеждой, что на свет скоро появятся молодые птенцы.

НА НАС НАПАЛИ...

Стояла дождливая поздняя осень. Небо было закрыто плотным покрывалом туч. Даже сильный, порывистый ветер не смог его разорвать. В один из таких дней Михаилу Ивановичу предстояла поездка на дачный участок. На том на-

стояла его жена. Она привела весомые доводы. Их любимый внук Сенечка плохо кушает. Поэтому с дачи нужно привезти две банки клубничного варенья. Предварительно посоветовавшись с зятем, сможет ли «Москвич» по проселочной дороге доехать до дачного участка, решили ехать. В путь двинулись сразу после работы, чтобы выиграть время. Ведь осенью день короткий, а тут еще дождевые тучи висят над самой головой.

К дачному участку доехали благополучно. Но когда приблизились к забору — совсем стемнело. Ворота участка были закрыты на замок. Решили действовать следующим образом: Михаил Иванович остается караулить машину, а зять идет к домику пешком, забирает банки с вареньем и возвращается к машине. Когда не стало слышно шагов зятя, Михаила Ивановича охватил страх. Чтобы исключить всякую возможность нападения на него и захвата «Москвича», он вооружился кирпичом и сел в автомобиль. Незаметно задремал. Но это и понятно: за день устал на работе, неблизкая дорога, да и годы свое берут.

Проснулся он от сильного, как ему показалось, толчка. Повернул назад голову и глазам своим не поверил. Через стекло увидел тень

человека, который рылся в багажнике машины. Нисколько не сомневаясь, он решил, что действует вор. И тут вспомнил о своем «оружии». Тихими шагами зашел с тыла, ударил кирпичом вора по затылку. Тот резко упал на землю лицом вверх. Михаил Иванович разглядел пришельца и все понял. От страшной мысли, что убил своего, рухнул рядом с зятем...

Да, тот вернулся к машине, чтобы взять с багажника фонарь. Придя в себя, зять не сразу понял, что произошло. В клинике, куда он доставил тестя, сделали заключение: инфаркт.

— Что случилось? — спросил дежурный врач.

— На нас напали... — после некоторой паузы, ответил больной.

— Я позвоню в милицию, пусть разберутся, — сказал услужливо врач.

— Не надо, — слабым голосом произнес потерпевший. — Во всем виноват я сам... Полегчает малость — расскажу.

ЛЮБОВЬ К СВОБОДЕ

Книговка — свободолюбивая и гордая птица. Я пришел к такому выводу после одного случая, которому был свидетелем еще в детстве. Память о нем сохранилась до сих пор. Случай был, пра-

во, необычный. Птенцы книговки, еще не умеющие летать, предпочли смерть неволе. Но расскажу все по порядку.

Солнце уже клонилось к закату, когда наше стадо спустилось на Мокрый Луг. Коровы старательно жевали сочную луговую траву. Наступил тихий, летний вечер — самая лучшая пора отдыха всего живого после жаркого дня.

Дед, как более опытный пастух, находился во главе стада, то есть у того края, куда двигались коровы. Я шел сзади. Над нами то и дело с криком пролетали книговки. Полет их был быстрым и резким. То они поднимались с земли вверх, то резко падали к земле. Их крик, не зная, можно было принять за детский плач. Мне от этих звуков становилось жутко. Я спросил деда, почему эти птицы так жалобно кричат. В ответ услышал легенду.

Когда Бог создал землю, сам он поселился на Кавказе. Но землю нужно было наполнить животными и птицами. И стал Он парами отправлять птиц по всему свету. Книговки ему особенно понравились за свое разноцветное оперенье, и он им велел остаться рядом с его жилищем. Но когда Бог обжился, то увидел, что птицы ослушались, улетели в северные страны. Бог решил послать ворона в те зимние края и наказать их потомство, лишить род продолжения.

Ворон выполнил волю Бога. И сделал это так. Нашел гнездо книговки на ветке ракиты у самого ручья. Там уже сидели птенцы. Ворон обратил внимание на то, что родители постоянно носили птенцам воду из ручья. «О, если я выпью всю воду из ручья, — подумал ворон, — птенцы сами умрут от жажды». И он пил до тех пор воду, пока в ручье не осталось ни одной капли. Птенцы погибли от жажды. С тех пор книговки выют свои гнезда возле болот и на заливных лугах. И постоянно кричат: пить, пить... Оперенье их стало так схоже с покровом луга, что их трудно заметить.

Заслушавшись грустным рассказом, я шел вдоль луга. И даже не заметил, как босой ногой наткнулся на небольшой забор. Когда рассмотрел заграждение более внимательно, то увидел, что за плотно вбитыми в землю колышками сидят птенцы. Тесно прижались друг к другу. Мне их стало жаль, захотел было выпустить на волю, да решил, что им здесь как раз неплохо. Родители могут сюда приносить пищу. А в заграждение их, по-видимому, посадили наши деревенские мальчишки. «Завтра придем сюда вместе, — решил я, — и птенцов выпустим на волю.

Как только мы пригнали стадо домой, я сразу побежал к своему соседу Мишке. Он среди на-

ших ребят считался лучшим сыщиком по птичьим гнездам, и, по моему мнению, поимка птенцов книговки не могла обойтись без его участия. Мишка подтвердил мою догадку. Мы тут же с ним условились утром идти вместе на Мокрый Луг, чтобы еще раз полюбоваться птенцами и отпустить их.

На следующий день, как и было условлено, мы с ребятами поспешили на Мокрый Луг. Но то, что увидели там, потрясло нас. Никто из нас не мог и предположить, что случится такая беда. Все десять птенцов за забором были мертвые. Вначале подумали, что их кто-то задушил. Но они лежали на земле, вытянувшись в длинную цепочку, лапками обхватив друг друга за шейки так сильно, что смерть наступила одновременно. Они добровольно решили уйти из жизни — предпочли неволе смерть!

Петька Урбан, как на похоронах, снял шапку и опустил голову. Мы все последовали его примеру. Над Мокрым Лугом стояла мертвая тишина. Не было не видно, не слышно ни одной книговки. По-видимому, после смерти птенцов книговки навсегда оставили Мокрый Луг.

Еще несколько лет спустя наш классный учитель рассказал нам случай с индейским племенем инки. Люди этого племени поступили совсем так же, как и маленькие птички-книговки.

Свободолюбивые индейские племена инков, гонимые кастовой враждой, очутились среди горных перевалов Мексики в надежде в этой красивой стране обрести благополучие и покой. Но здесь их ждали еще более суровые испытания. Мексиканские вожди начали вылавливать их соплеменников и продавать в рабство. Однажды заперли в шалаше около полусотни человек, рассчитывая назавтра погрузить живой товар на пароход. Деньги перекупщики уплатили сразу. На утро же после изрядного похмелья те, что продали и те, что купили рабов, пришли к шалашу.

— Не убежали краснокожие? — спросил стражу белый капитан.

— Нет, от моей стражи никто не убежит, — ответил главный стражник. — Они всю ночь вели себя на редкость спокойно.

— Открывай дверь, — приказал капитан.

И что же? Вошедших встретила мертвая тишина.

— В чем дело?! — чувствуя, что здесь что-то не так, закричал недовольный вождь. — Они же мертвые! — воскликнул он. — Кто их отравил?! — Охрана молчала. Капитан наклонился к трупам — и все понял: — Они сами себя задушили... Вам придется вернуть нам деньги. За мертвый товар не платим.

Инки лежали на земле кольцом, обхватив друг друга за шею ногами. Они решили умереть одновременно и ценой собственной жизни избежать рабства.

Как же гармонично перекликается судьба птиц и людей. Все живое на земле должно жить свободно. И цена свободы — жизнь.

СУДЬБА

В Российской империи было много богатых городов, а еще больше знатных купцов. Прочитав рассказ, вы узнаете лишь о жизни одной купеческой семьи. Эту историю мне рассказала бабушка. Она верила в Бога и Судьбу...

В городе Смоленске жил богатый купец Илья Митрофанов. Было у него денег и торговых лавок так много, что соседи со счета сбились. И говорили с завистью: «Нам таких доходов никогда не иметь!» Каждая поездка на север приносила купцу не только большие деньги, но и почет. Даже сам губернатор при встрече кланялся купцу Митрофанову, не говоря уже о простом торговом народе. И всем бы купец был доволен, но одно обстоятельство мешало этому: не имел он наследника на все нажитое.

Женился по расчету на купеческой дочери, удвоив свой капитал. Но, как часто бывает в та-

ких случаях, богатство осталось богатством, а счастья не принесло. Ходил купец всегда хмурым, задумчивым. Правда, в его умную голову однажды пришла светлая мысль, за которую он вцепился двумя руками — решил пойти погадать к известной гадалке, в надежде, что она и подскажет, как дальше быть. Он даже стал корить себя: «Как это я раньше не додумался?»

Гадалка приняла известного купца с радостью: усадила за стол, раскинула карты, посмотрела внимательно ему в глаза и сказала просто:

— Предстоит тебе, милоч, дальняя дорога...

От этих слов Илья хихикнул себе под нос и сказал:

— Открыла ты, Марфа, Америку. Какому же купцу не предстоит дорога?

Цыганка посмотрела на пришельца с укором и, прищурив глаза, с хитринкой ответила:

— Поездка эта, божий человек, необычная. Такой в твоей жизни еще не было... Застигнет тебя в пути пурга снежная. Заночуешь в избе крестьянской. И услышишь там голос божий... Узнаешь то, зачем пришел ко мне.

Ушел купец домой более мрачным, чем пришел. После загадочных слов гадалки, чем бы он ни занимался, одна тревожная мысль сверлила его: «Что-то должно произойти... Что?!..»

Пришло время ехать в Сибирь за пушниной. Лицо купца посветлело: никак развязка наступит. В пути он решил сбросить грустные мысли, поскольку дорога дальняя.

Много на этот раз пушнины вез в Смоленск купец Митрофанов. Всем он был довольный. Из плохих воспоминаний остались только слова цыганки. И чем ближе были родные места — тем сильнее было волнение. Оставалось уже менее суток езды до купеческого дома, когда налетела пурга.

Черные снеговые тучи покрыли небо и повисли над самой землей. Степной горизонт исчез — завыл, засвистел ветер. Снеговые хлопья плотным покрывалом ложились под ноги лошади. Дорогу поглотило сплошное белое поле. Дальше ехать не было никаких сил. Ямщик слез с козлов, упал на колени, стал молиться — просил Бога спасти их души.

Митрофанов подумал про себя: «Сбываются предсказания гадалки», — и велел извозчику искать огонек. Хозяин хутора, к которому они прибились, долго не хотел пускать в дом чужих людей. Но, в конце концов, смиловался — предоставил путникам ночлег и предупредил о том, что в эту ночь его жена должна рожать. Напоил непрошенных гостей чаем, положил спать в коморке. Сквозь сон Илья слышал крики рожени-

цы. А под утро увидел необычный сон. Или это был не сон? Он сам не понял. Как будто лежит купец в степи под открытым небом. А вокруг — снежная равнина. Вместо потолка видит звезды, полыхающие, словно костры. И самое невероятное — слышит с небес голос: «Раб Божий, сегодня ночью в доме, который тебя приютил, родился твой наследник».

Открыл Илья глаза — низкий, серый потолок висит над головой. Рядом ящик лежит, а во дворе метель метет. Хозяин подошел, сказал, что жена сына родила. Митрофанов стал просить его оставить их еще на одну ночь. А сам стал думать, как поступить. Метель к вечеру утихла. Это очень обрадовало купца. Решил похитить младенца ночью. Когда минуло за полночь, все уснули, он взял спящего ребенка и уехал. Благополучно доехал домой. Малютка не простыл, не заболел. Быстро нанял кормилицу. Малыш стал набирать вес.

Все шло хорошо, но вдруг жена заявила:

— Я сама тебе рожу наследника!

И вправду, прошло немного времени — и у купца родился сын. После родов купчиха совсем озверела. Каждый день ругает мужа:

— Как тебе не стыдно на людях! Не может женщина в полгода родить двоих детей... Этот,

сибиряк твой, не годится в наследники. Ты должен от него избавиться.

Боязно было купцу пойти против воли Бога. Но упреки жены сделали свое дело. Он решил взять грех на свою душу. Одел мнимого наследника легко и отвез в лес. Прошлой зимой в этом же лесу он прикрывал его шубой, чтобы не простыл. А теперь должен оставить одного, чтобы замерз. С болью в сердце посадил Илья малютку около большой сосны. Сам же, сломя голову, гнал лошадей подальше от греха.

Потом случилось то, что купцу и во сне не могло присниться. В то же время, по той же дороге ехал поп. Никогда он в лесу не останавливался, а в этот раз ему захотелось сойти по малой нужде. Остановил кучер коня. Слез батюшка с саней, подошел к сосне — и замер: у комля ребенок сидит.

— Господи! — закричал он. — Душу хотят загубить. Нехристи!

Привез батюшка ребенка в монастырь, наказал для него служку. Часто навещал найденьша в монастыре поп. А когда тот вырос, привел его в свой дом. Назвал Найденьшем. Рассказал, почему у него такое имя. Тихой рекой протекала жизнь парня в церковном приходе. Пока не случилось вот что. Однажды Митрофанов проезжал

мимо церкви. Вдруг ему захотелось выпить. Зашел к батюшке. Тот показал ему свое хозяйство и предложил стопку водочки. Выпили, закусили. Купец спросил, откуда, мол, у него такой красавчик-слуга: быстрый, сообразительный, имя такое странное — Найденыш. Тут поп спьяна начал рассказывать, как он, много лет назад, нашел в лесу ребенка. Во время разговора хозяин не заметил, что гость побледнел в лице. Рука, удерживающая вилку, тряслась не спьяна. Опомившись от шока, Илья незаметно повернул разговор в нужное ему русло. Сказав хозяину дома, что он очень нуждается в работнике, хотел бы иметь такого, как Найденыш. Не откладывая дело, стал упрашивать попа уступить ему парня. И он за эту услугу ему хорошо заплатит. Как ни сопротивлялся батюшка, а пришлось уступить. Привез купец парнишку домой и стал думать, как поступить. Тем временем придворные полюбили нового работника за его веселый нрав, доброе сердце и послушание. Домочадцы всегда ставили его в пример сыну купца, который был грубый и жадный. Но вот купец решил избавиться от Найденыша — ни в какое сравнение не шел его сынок с этим парнем. И дал мужикам, сжигавшим в лесу хворост, такой приказ: первого человека, который

придет из купеческого дома к ним, бросить в костер. Рабочие спросили хозяина:

— А если это будет ваш сын? Как быть?

— Все равно сжечь!.. Даже если это буду я сам! — твердо сказал Митрофанов, довольный собой, что его план вступил в завершающую стадию.

Тем временем послал Найденыша в лес к мужикам посмотреть, жгут ли костры. Дорога, по которой ехал парень, проходила недалеко от церкви. Там звонили колокола. Поскольку он рос в Божьем доме, решил заехать помолиться. Сын же купца в это время бродил с ружьем по лесу. Увидел полыхающие костры, подошел погреться. Не успел наследник сказать слова, как мужики связали его и бросили в костер. Они давно хотели его убить за обиды. Но не было удобного случая.

Так, по воле Всевышнего, путь к наследству Найденышу стал свободным. А купец больше не стал противиться воле Бога.

ВОРОНЕНОК

Это случилось в лесу в то летнее время, когда появившиеся на свет птенцы еще не научились летать. Из гнезда с высокой густой ели на землю упал вороненок.

Их было пятеро — любопытных, прожорливых маленьких воронят. Сидели они в гнезде, тесно прижавшись друг к другу. Шалости здесь не допускались: толкнув соседа, можно было самому угораздиться вниз.

Оказавшийся на земле вороненок был непослушным, он любил пошалить и порезвиться. Возможно, потому и упал из гнезда. А скорее всего — его подвело любопытство, неодолимое желание посмотреть, как там живут, на земле.

Сверху мир казался прекрасным. По лесным тропинкам мирно ползали муравьи, по цветочным головкам путешествовали пчелы и разноцветные бабочки. Птицы из лесного мха извлекали лакомых жучков и червячков. А вороненок уже был знаком с их отменным вкусом. Не раз, когда хлопотливая мама приносила эти лакомства своим, не страдающим отсутствием аппетита деткам, они даже ссорились между собой, норовя выхватить добычу побольше. Одним словом, земля манила к себе.

При падении вороненок впервые взмахнул неокрепшими крылышками и благополучно приземлился. Потрогал клювом траву. «Фу, какая она влажная и колючая!.. — удивился про себя. — Не так на земле и хорошо. Насквозь продувает холодный ветер, глазам больно от яркой зелени,

а тени деревьев и попросту пугают. Главное же, никто не дает есть!» Одним словом, все обманчиво и непонятно. И так плохо без родительского гнезда! От таких горьких мыслей он заплакал — слышалось слабое «кра-кра-кра...»

К нему тут же прилетела мама! Успокоила, приласкала, принесла букашек и покормила свое неразумное чадо. Все мамы своей любовью к детям очень похожи друг на друга.

Надо же было случиться, что в то самое время по той же тропе шел знакомый нам дед Антон с внуком на прогулку.

— Кра-кра!.. — тревожно закричала ворона, оповещая своих братьев об опасности.

Хоть бы не случилось беды, не напугал бы ее несмышлениша бродячий кот, не съела хитрая лиса, не причинил бы зла плохой человек... Громко застучало воронье сердце. И в этом все мамы тоже одинаковы.

Чем ближе подходил дед с малышом к тому месту, где сидел глупый вороненок, тем громче кричала ворона, с шумом перелетая с ветки на ветку. На помощь слетелось много ворон.

— Деда, чего они хотят от нас? — спросил удивленно мальчик.

— Не торопись... Придет время — узнаешь, — ответил дед Антон.

Вдруг Виталька увидел маленького вороненка и бросился к нему, чтобы поймать птенца. А тот быстро побежал по тропе, перебирая своими короткими ножками. Но, поняв, что бегством спастись невозможно, он свернул в траву — там, казалось, было его единственное спасение. В траве окончательно запутался. Виталька схватил птенца за крылышки и победоносно приподнял кверху.

— Кра-кра-кра!.. — пропищал вороненок.

Ворона-мать мигом спикировала вниз, ударив сильными крыльями мальчика по рукам. От неожиданности Виталька выпустил птенца. Воспользовавшись замешательством, вороненок скрылся в зарослях крапивы.

— Теперь ты понял, почему ворона преследовала нас и почему ей помогали ее собратья? — в свою очередь спросил дед Антон. И сам ответил: — Ради жизни своего детеныша она готова была пожертвовать собой.

Но смысл сказанного не дошел до Витальки. И он по-прежнему продолжал задавать вопросы:

— Деда, разве ей не страшно было прямо с неба падать на землю? А если б отказали тормоза — она бы могла разбиться или попасть в плен к людям...

— Повторяю: птицы, как и люди, готовы отдать свою жизнь во имя жизни своего ребенка. Вот так-то, внук, — произнес поучительно дед.

НА ОЗЕРАХ

После тридцатиградусной жары на озерах резко похолодало. Отдыхающие с этим никак не могли смириться и по-прежнему шли к воде. Правда, купаться осмеливались только самые отчаянные. Остальные, не раздеваясь, устраивались на лежаках. Погода, похоже, окончательно испортилась. Небо заволочло глухими тучами. Моросил мелкий дождь. И пляж вовсе опустел.

Многие, так и не добыв до конца, разъехались по домам.

Вадима Петровича в город пока не тянуло, ведь прошла всего неделя с того времени, как он приехал сюда, в дом отдыха. В помещении было сыро и неуютно. К тому же один из товарищей по комнате, увлекавшийся рыбалкой, постоянно отсутствовал. Другой жилец уехал в Вильнюс на экскурсию. Вадим Петрович, собственно, оставался в комнате один.

Это был невысокий русоволосый человек, спокойный и моложавый в свои шестьдесят с небольшим.

Неожиданно для себя он подумал, что ведь кроме пляжа нигде еще и не успел побывать, хотя места эти ему знакомы.

Он решил прогуляться, осмотреть окрестности. Из старых построек остался только центральный корпус дома отдыха. К нему позже пристроили мансарду, которую летом использовали как столовую, а зимой — как танцевальную площадку. Рядом с центральным корпусом выросли три спальных. Их от пляжа отделяла защитная полоска леса. Словом, достопримечательностей особых не было. Все преимущества отдыха лишь в том, что в озерах на редкость чистая вода, ключевая. Здесь даже на глубине восьми метров прекрасно виден песок на дне.

Прошло много лет с тех пор, когда Вадим Петрович побывал в этих местах. Сейчас он узнавал и не узнавал их. По доходившим до него редким слухам знал, что деревеньку на берегу озера давно снесли, как неперспективную. А на ее месте выстроили санаторий. «Пойду, посмотрю территорию», — решил он и по асфальтированной дорожке направился к лесу. Оттуда по тропинке — побрел вдоль озера.

Как и в те далекие годы, взлетали и садились на воду чайки, чуть слышно шелестели листвой старые тополя. Пройдя метров сто, он заметил

впереди трехэтажный дом. За ним — второй и третий. Наверное, это и есть санаторий. Так оно и оказалось.

Идя по территории здравницы, Вадим Петрович любовался множеством цветов, росших на клумбах по обе стороны дорожки, южными пихтами и фруктовыми деревьями. За санаторием выстроились ровными рядами дома новенького поселка городского типа. Осмотревшись, он вспомнил, что за поселком была когда-то тропинка. Ею пользовались местные жители, чтобы пройти напрямик в дом отдыха. Этой тропинкой и он когда-то не раз ходил. Вот знакомый небольшой ручеек в лесу, зеленая полянка, оставшаяся точь-в-точь такой же, как тогда...

Как же он мог забыть? Ведь много лет тому на этой полянке встретил Валу. «Вот у этой яблони мы сидели, разговаривали, пели песни, но больше молчали. Нет, — подумал Вадим Петрович, — это уже новые побеги от той яблони такими выросли. А старая яблоня давно засохла... Сколько мне тогда было? Двадцать или на год больше? Только пережил я тяжелые годы войны, унесшей всех родных». Казалось, трудности и невзгоды позади... Люди помогли стать на ноги, получить профессию. Работал на одном из строящихся заводов Минска. Верилось, что все бу-

дет хорошо. Однако начало сильно беспокоить сердце. Выдали путевку в санаторий...

Тут-то и встретил ее — стройная девушка, бледная, с грустными серо-зеленым глазами, казалась выше его ростом несмотря на свою худобу. Сказалась блокада, которую коренная ленинградка пережила в родном городе.

«Мы встречались каждый день на этой поляне, — вспоминал Вадим Петрович. — Не думали о будущем, не строили планов. Нам просто было хорошо вместе». Были исхожены все лесные тропинки. Много спето песен. У Вали был хороший звонкий голос. Особенно любила она русские песни. И, кто знает, именно потому его сердце, получив такой заряд положительных эмоций, стало постепенно восстанавливать свой ритм.

...Прошли годы. Жизнь развела их. Постепенно воспоминания об этой встрече стерлись. Если бы не это возвращение в места, где бродил в молодости.

Защемило сердце. Внезапно Вадим Петрович подумал, что он прошел мимо самого важного в своей жизни. И от этих чувств, от того, что невозможно вернуть былое, стало грустно.

«Нет, грусть тут ни к чему, — подумал он. — Я должен быть благодарен судьбе за то, что была

эта встреча... с настоящей любовью». — И он медленно пошел с поляны.

ГАДАЛКА

Домик Ганьки-гадалки стоял одиноко в стороне от крестьянских изб, без забора и обычного двора. Он всем своим видом как бы говорил прохожему, что именно здесь, мол, и живет колдунья. Даже скорее — ведьма. А Ганька и вправду похожа была на ведьму. Судите сами: глубоко посаженные под выпуклый лоб черные глаза, длинные мохнатые брови... От постоянного курения самосада она вся была пропитана табачным дымом. Ее лицо можно было сравнить разве что з арбузом, в который вторкнули зачем-то две зрелые вишни...

Мы, деревенские мальчишки, смотрели на Ганьку, как на Бабу Ягу. Единственное, что нам нравилось в ее действиях, так это гадание на картах. Уворовали к колхозе лошадей — и она сразу сказала, где их надо искать, кто увел... Поехали председатель колхоза с бригадиром в Ивенец, не успели зайти на базар, а цыганье тут же и предлагает им купить своих же коней. Но особенно Ганькин талант пригодился людям во время войны. Кругом горе, смерть. Все идут к гадалке,

чтобы узнать: не сожгут ли немцы деревню? Она отвечает: «Карты показывают, что не сожгут...»

Кстати, все предсказание гадалки сбылись. После войны деревня трижды горела, о чем она как раз и предупреждала.

У моей тетки Анны без вести пропала дочь. И тетка все надежды свои возложила на краты. Собственно, это и привело меня в дом колдуньи. Босоногим мальчонком взобрался я на широкую лаву, грудью оперся о стол. Зорко следил за каждой кртой — и как загадочно ложились карты на гладкую дубовую столешницу, и как серой, словно у лягушки лапой, гадалка, поправив карты, легшие вокруг бубновой дамы, сходу порадовала тетку:

— То, что ваша дочь жива, это точно... Сейчас она далеко.

— А что с ней дальше будет?.. — не терпелось тетке. — Как она там?

— Будет дорога трудная, голодная... Не один раз придется ей посмотреть смерти в глаза. В настоящее время она живет среди черных людей...

— Боже мой!.. Ой, среди черных... Что за люди?

— Не волнуйся, Анна... Вернется твоя кровинка еще до конца войны.

Взяла меня тетка за руку и мы пошли по улице. Увидев первого встречного мужчину, спросила:

— Скажите мне, добрый человек: молдоване черные или такие же, как и русские?

— И черные, и русые... Но черных больше, — ответил мужчина, улыбнулся и зашагал своей дорогой.

Тетка пошла медленнее. Потом пояснила мне:

— Муж у моей дочери молдованин... Вот она, скорее всего, и побежала к его родителям, спряталась от войны.

И действительно — в сорок третьем вернулась дочка домой, худая, учерневшая. С Молдовы пешком пришла. Рассказала, каким опасностям подвергалась в дороге. Несколько раз то немцы, то полицаи водили ее на расстрел. Но каждый раз отпускали...

Прожила Ганька более ста лет. Она знала, когда умрет. Сказала своему дальнему родственнику Сымону, чтобы пришел к ней в такой-то день и взорвал в доме потолок, иначе трудно ей будет умирать. Родственник не ослушался — пришел. Он застал ее, старую, костлявую в совершенно чистой постели. И мучалась она вправду очень сильно — металась в бреду, тряслась вся, то и

дело цепляясь руками за края кровати. Сымон взялся-таки взламывать потолок, хотя и не верил, что предсказание старухи сбудется. Но когда появилась между досками щель — Ганька тут же и умерла.

МИХЕИЧ

Солнце давно так не одаривало своим теплом поля подшефного колхоза, как в эти ясные дни июля. Ведь часто так бывает: пройдет лето, а ты и не успеешь погреться на солнышке. Как раз в эти вот погожие деньки и приехал заводской десант в колхоз. И поступили мы в распоряжение бригадира.

Михеич встал затемно, и до своей основной работы в бригаде успел накосить столько сена, сколько мы, приезжие, втроем не накопили бы за день. Об этом он упомянул как бы невзначай, когда увидел обкошенный нами узкий овраг.

— Если вас, Михеич, поставить к станку, вы наверняка не сделаете нормы... — не сдержался наш молодой напарник.

— Оно — так, — тут же согласился бригадир. — Место вам досталось неудобное — овраг... Вы просто мешали друг другу, а я не предусмотрел — надо было кого-то одного на од-

ной стороне оставить, другого — на другой, а третий пусть бы в прогалах между кустов во- зился.

Чувствовалось, что Михеич по натуре был че- ловеком добрым и не хотел нас обидеть. Да и поговорить любил, был рад новым слушателем.

— Хоть бы и этот канал... Вырыли его для орошения полей, воду пустили. Много пользы он принес людям... Но давно уже на орошение забыли, берега оплыли, заросли кустарником, и сегодня мы видим что? Овраг самый обыкновен- ный. Неудобье. И косить тут тяжело, это правда. Но вам — тренировка... Покушаете, отдохне- те — и завтра сами начнете просить, чтобы сно- ва подыскал овражье какое-нибудь... — Он улыб- нулся, взглянув на бежавший возле наших ног рукотворный ручеек. — А знаете, хлопцы, он ведь помогал вам трудится — свежестью пове- вал на вас, городских жителей, поил вас. — Речь Михеича текла легко и задушевно. Многое он в жизни повидал, много чего знает. — Возьмите наши места — красота какая!.. Рядом две реки — Узлянка и Нарочанка. Между ними — ост- ров. Вокруг заливные луга... Сколько тут лекар- ственных трав!.. Вот хотя бы тысячелистник. Еще во времена Александра Македонского раненые воины использовали это растение для остано-

ки кровотечений. Заметьте, как метко наши предки давали название каждой травинке. На стебле — листья, и на каждом из них — множество мелких лепестков... Тысячелистник. Так-то... Хм, знаете, когда я демобилизовался, — вдруг неожиданно в лад каким-то своим мыслям изменил тему Михеич, — многие мои сверстники пооседали в городе. И у меня вроде была причина покинуть деревню. Пока служил в армии, умерла мать. Остался сиротой... И здесь никого не было. Но любовь к родным местам удержала-таки дома.

Михеич долго рассказывал, как постепенно устраивал свой быт, как переделывал ветхий родительской дом, доставшийся ему в наследство.

Ему нравилась учительница сельской школы, и привести молодую хозяйку в ветхий дом он не мог. Строится надо. Хоть в этих местах основным строительным материалом служил лес, он решил класть дом из кирпича. Сам сделал печь для обжига, проект ее позаимствовал от северян, где служил. Конечно, с такой тяжелой работой в одиночку не справился бы — помогли односельчане. В форму закладывали сырую глину. Обожженная и высушенная, она и становилась кирпичом. Дом получился крепкий, красивый. Встал всей своей длиной вдоль улицы и смотрит на мир

величаво. Старые деревенские домики потерялись рядом с ним. Скоро вокруг дома выросли фруктовые деревья...

С тех пор много воды уплыло. Хорошие семена дают хорошие всходы. Сложилась крепкая семья. Время бежало быстро. Уже и дети выросли. Старшая дочь окончила институт и уехала из родных мест. Сыну отец сумел привить любовь к родной земле. Тот остался в родном колхозе и пошел по стопам отца.

Однажды Михеич принес яблок из своего сада.

— Ну как, есть можно? — ревниво спросил он.

— Да это же настоящая медовка! — восхитился я.

— А сколько в деревнях брошенных садов — не счесть!.. — И он начал развивать тему о запустевших огородах. — Старые хозяева или умерли, или уехали в город к детям. Молодое поколение, которое должно заменить своих родителей, не желает оставаться в деревне. Разве это порядок? Вспоминаю свое детство. Сильный мороз с синим туманом прошел в наших местах, выморозил все фруктовые деревья. Яблоко было на вес золота... Хорошо все-таки мы стали сейчас жить, — легко вздохнул Михеич. — Продук-

ты — свои, за работу в колхозе — деньги получаем... Только честно работай. Любая покупка тебе по карману. А молодые нынче этого не ценят... Приезжают к нам на сельхозработы девочки с завода. Смотришь на них и диву даешься... — Видно, тема эта сильно занимала колхозного бригадира. — Молоденькие, и почти все они — год-два как из деревни смылись, а уж понахватались: курят, вином балуюсь... Похоже, не понимают, что свое же здоровье портят, репутацию роняют. Я думаю, одновременно с борьбой против пьянства — надо вести и борьбу против курения... Да, молодежь пошла разбалованная, безответственная... Но кто разбаловал? Считай, мы же сами...

Бригадир Михеич имеет несколько правительственных наград. Но самая лучшая ему награда — уважение односельчан. Разве этого мало?

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Отпуск у Виктора Семеновича определился в конце августа и начале сентября. В нашей белорусской природе это такая пора, когда лето еще не кончилось, а осень не вступила в свои права. Такой же переходный возраст был и у него. Молодость уже прошла, а старость еще не наступила.

Получив путевку в своем месткоме, в один из погожих дней он отправился в профилакторий. Стояла на редкость теплая солнечная осень. Профилакторий был недалеко от города, разместился в лесу. Внизу, за лесом, протекала река. Люди увеличили ее русло вширь и построили дамбу, создав водохранилище. Но вода здесь осталась проточной и чистой.

Встав рано утром, — не спалось — Виктор Семенович решил прогуляться.

По проселочной дорожке, вдоль леса и поля, он быстрым шагом направился к воде. Справа была березовая роща, слева — рос клевер. Посреди поля, еще совсем зеленые, стояли три дуба, словно богатыри. Еще казалось, что именно они, эти три дуба, и охраняют здешнюю тишину и покой.

Мы любимся кроной дуба, но никогда не думаем о том, что силу и красоту дают ему корни. Гибкие и упругие, они удерживают крону во время бурь и ветров. Такие деревья можно сравнить с людьми. Рабочие производят все ценности на земле, а правящая верхушка пользуется готовыми плодами, да красуется наверху. А еще — дуб создает вокруг себя особый ореол, убивающий вредителей. Не случайно ведь растущий рядом с дубом гриб всегда твердый и чи-

стый. Неспроста с древних времен наши предки огурцы солили в дубовых бочках. А какое приятное пиво из такой бочки...

Незаметно для себя Виктор Семенович подошел к воде и залюбовался озером.

Солнце поднялось из-за леса и светило ярко. Уже ощущалось дыхание осени. С северо-запада дул прохладный ветер, вода покрывалась рябью. Все это, как и прилегающий берег с деревьями, камышами, с гладью воды, освещенное солнечным светом, напоминало акварель художника-пейзажиста.

Виктор Семенович прошел вдоль водохранилища километра два и вышел на широкую дорогу. Опять любовался деревьями, которые, словно нарядные девушки, оделись в багрец и золото, приготовленные щедрой осенью. Он с благодарностью принимал ласковое тепло осеннего солнца. Постепенно его мысли о природе перешли на человеческие судьбы. «Почему мы иногда хотим сделать так, а получается иначе? Взять хотя бы вчерашнюю встречу с Лизой. Здесь, в профилактории... Могла же она состояться раньше, а не через тридцать лет. Разве тогда мы могли подумать, что судьба нас разлучит навсегда. Мы оба хотели быть вместе... А вчера я ее сначала даже и не узнал».

Да. Для него она все эти годы оставалась юной. Искал он ее в городской толпе и парках прежнюю, какой запомнил в те далекие годы.

«Как все было, — начал вспоминать он. — Убегает детство, как вода, убегает детство...» — пришли на ум строчки.

«Вот, говорят, что человек стал владыкой земли. Разве это так? Взять, хотя бы, мою судьбу... — Занятый думой о пережитом, он несколько раз подходил к пансионату и опять возвращался к озеру. — Как это все началось?..»

Только что закончилась Отечественная война. Жил он тогда в деревне с родителями, ходил в школу. Лиза приехала из Пинска на летние каникулы к своей тетке. Там, в деревне, они и встретились. У реки. Девушка понравилась ему с первого взгляда. От волнения он даже не мог подобрать слов, чтобы заговорить. Заметил, что она несет кош с травой, и предложил помочь. Потом он часто ходил около их дома: вдруг увидит ее вновь. На вечерниках они стояли и молча смотрели друг на друга. Пригласить ее на танец он не решался... Теплый луч любви впервые коснулся его сердца, но еще не жег, как это бывает при большой любви.

«Какие это были туманные годы. Все мы жили будущим. А какое оно у нас будет — смутно представляли».

Деревенская жизнь для мальчишек имеет множество прелестей. По выходным дням ребята собирались компанией и шли к реке. Купались, играли в лапту. В будни собирали грибы, сушили и сдавали на заготовительный пункт. На вырученные деньги покупали учебники. Как-то Витя с дружкой Колькой решили заняться ремеслом. Стали плести для сбора ягод небольшие кошелки. И вот однажды, когда Витя шел в лес за лозой, около оврага встретил Лизу. Она держала в руке ветку белой цветущей черемухи. Одета была в легкое голубое платье с белой каймой внизу и светлые туфельки с яркими носочками. По сравнению с ним казалась нарядной феей. От этого он застеснялся еще больше.

— Почему ты все время ходишь босиком? — спросила она. — Ведь можно изувечить ноги.

— Я уже привык и не боюсь, — ответил он.

— А куда ты идешь?

— В лес за лозой, — быстро ответил он и, не ожидая вопроса, пояснил: — Мы из лозы плетем кошелки для ягод.

— Возьми, пожалуйста, меня о собой, — попросила она.

Витя почувствовал приток какой-то радости: она будет идти рядом с ним! И ему захотелось сделать ей что-то приятное.

— Я сначала наломаю тебе букет черемухи, — сказал он. — И затем пойдем за лозой.

Быстро взобравшись на толстый ствол дерева, стал ломать и сбрасывать на землю роскошные ветки белой черемухи. Лиза их собирала.

— Ой, как ты много наломал веток — их на три букета хватит, — и повелительно приказала: — Слезай с дерева!

Он тут же спустился вниз и сел на берегу оврага. Рядом с ней.

— В лес мы сегодня не пойдем, — сказал он строго. — Это далеко... Тебя будет ругать тетка Настя. А лозы я нарежу в овраге.

Вскоре они шли вдоль кустов.

— Хочешь, я тебя научу спускаться на парашюте, — предложил он, желая развлечь Лизу. Быстро взобравшись на тонкую березку, взялся рукой за ее макушку, раскачал, и береза согнулась вместе с ним до земли.

— Ой, как интересно! — воскликнула Лиза. — А можно и мне?

— Конечно.

Она подошла к березе, обняла руками белый ствол.

— Какая она нежная и красивая... Нет, я взобраться на нее не смогу... Лучше научи меня плести кошелки для ягод.

— Хорошо, — пообещал он. — Самую красивую кошелку с этой лозы я подарю тебе.

Лиза от радости захлопала в ладоши.

Стена, разделявшая босоногого мальчишку с этой аккуратной одетой горожанкой, рухнула. По дороге домой Лиза рассказала о том, что она мечтает поступить в медицинский институт, чтобы ходить в белоснежном халате, лечить людей.

— А я подамся в мореходное училище, — признался Витя. — Буду плавать по всем морям и океанам, побываю в разных странах, посмотрю древние цивилизации — Египет, Венецию...

За разговором незаметно дошли до деревни.

— Мне — направо... Спасибо за букет, — Лиза махнула на прощанье рукой и пошла к дому тетки.

Скоро кончились теплые дни, и Лиза уехала в город.

Всю зиму Витя жил надеждой, что на следующее лето она опять приедет в деревню. Теперь он ждал лето, ждал как никогда раньше. Что-то принесет оно?.

Он заметно подрос. Уже наравне со взрослыми парнями стал ходить на танцы. Ему казалось, что в тот раз он допустил ошибку, не намекнув Лизе о своих чувствах. Мог же хотя бы сказать ей: «Приезжай в деревню на следующий год». Не сказал.

Все мы, деревенские мальчишки, много теряли, будучи стеснительными. И его, Витю, начала мучить неизвестность. А вдруг она не поняла его пылкого взгляда и не придет никогда?

Но вот однажды тетка Настя в разговоре с его матерью как бы между прочим сказала, что Лиза прислала ей письмо: собирается, мол, после сдачи экзаменов приехать.

Две говоривших женщины не догадывались, как забилося сердце стоявшего рядом Вити. И спустя несколько дней он начал ходить к автобусной остановке, встречал людей, которые приезжали из города. Лизы все не было. Но как-то раз, идя по улице, он заметил, что у дома тетки Насти на скамейке сидят люди. Не успел поравняться с ними, как тетка Лизы сказала:

— Зятек, не проходи мимо. Подойди к нам!

Виктор замер от неожиданности: перед ним стояла Лиза. Повзрослевшая, похорошевшая. Большие серые глаза на нежном открытом лице смотрели прямо на него. Длинная коса лежала на упругой груди. На фоне темных волос и бровей ее лицо казалось белоснежным.

— Здравствуй, Витя, — Лиза первая, как более смелая горожанка, подошла к нему.

Так они встретились во второй раз. Он молчал, наконец, смущенно предложил:

— Сегодня в клубе танцы. Приходите.

Домой пошел с радостным сердцем. «Почему тетка Настя назвала его зяtkом? Похоже, догадывается, что ему нравится Лиза...» — только и подумал он.

Дождавшись вечера, Витя надел единственные выходные брюки, рубашку и пошел в клуб. Лиза была уже там. Она стояла рядом с дочкой соседа — Соней. Делая бывалый вид, Витя пригласил Лизу на вальс.

Как нам в юные годы хочется быстрее стать взрослыми! Весь вечер Витя старался быть рядом с Лизой.

После танцев он пошел провожать девушек домой. Когда они поравнялись с домом Сони, все трое остановились, немного поговорили, и Соня ушла к себе. Им оставалось пройти несколько шагов до скамейки у сада тетки Насти. Здесь они и присели под тенистым кленом.

— Витя, ты помнишь нашу первую встречу у реки? — спросила Лиза.

— До малейших подробностей... Я тебе еще тогда сказал, что у реки на лугу растет более сочная трава, чем та, что у тебя в кошелке.

— А мне кажется, это было очень давно, что прошло с тех пор много лет.

— Сегодня я живу каким-то непонятным чувством... Давай завтра встретимся на том самом

месте, где ты рвала траву, и я опять помогу тебе нести кош, — предложил он.

Потом они молчали. Слушали, как в саду заливается в трелях соловей. Рассвет еще не наступил, но на востоке уже чуть-чуть засветился горизонт. Неожиданно для себя он неловко и нежно привлек Лизу к себе. Их глаза встретились...

Первый поцелуй с любимой. Первая надежда на дальнейшие радости. Казалось, что так, прижавшись друг к другу, можно было простоять всю жизнь. Но уже светлел горизонт. В летнем небе одна за другой угасали звезды. Пора расходиться по домам.

Кто жил в деревне, тот знает, какие короткие там летние ночи. Большую часть ее забирала вечеринка. А когда парочки находили уединенные уголки в саду или в тени на скамейке, для поцелуев и ласк оставалось совсем немного времени.

Они подошли к дому тетки Насти. Стали прощаться. Лиза как-то всем телом потянулась к нему. Он почувствовал ее горячие руки на своей шее. Большим лбом она мгновенно прижалась к его лбу. Опустила голову вниз, как бы пряча губы от поцелуя. Так они простояли несколько минут. Словно очнувшись, Лиза быстро опустила руки и скрылась за дверью.

Назавтра на опушку леса он пришел раньше условленного времени. Спустился к реке, искупался, сел под большой куст лозы и стал ждать. Лиза пришла неожиданно, совсем с другой стороны, откуда он ее не ждал. Была она в светлом ситцевом платье и соломенной шляпе. Усевшись рядом с ним, быстро разулась.

— Отвернись на минутку, — попросила она.

Когда он повернулся к ней, то увидел, что она лежит на траве в купальнике. Ему как-то стало не по себе.

Погревшись немного на солнце, Лиза поинтересовалась, теплая ли в реке вода.

— Не совсем, — ответил он. — Но купаться можно.

Витя лежал рядом с Лизой, снявши только рубашку. Снять брюки он не мог по той причине, что на нем были старые черные трусы большого размера.

— Ну, как моя кошелка? — спросила Лиза и погладила его по спине.

Дрожь прошла по его телу.

— Кошелка ожидала твоего приезда, — ответил он и задохнулся — ее ручонка опять погладила его.

Вдруг Лиза быстро поднялась и побежала к реке, прыгнула в воду и поплыла по течению. Закатав брюки до колен, Витя зашел в воду и

ждал ее возвращения. На берег они вышли вместе и вновь легли загорать на душистый травяной ковер около большого куста.

Волнение не покидало его. Но любовь его была сильнее всех страстей и он не мог причинить Лизе каких-либо неприятностей.

И вот Лиза снова побежала к реке. Она зашла на пологий ствол ивы и уселась на нем, опустив ноги в воду. Витя последовал за ней. Скоро они вместе раскачивали ствол ивы, их ноги то опускались в воду, то снова оказывались на поверхности.

Время летело незаметно.

— Как здесь хорошо... Но мне пора, — заторопилась Лиза. — Меня, наверное, уже разыскивает тетя... Завтра встретимся здесь, если не будет грозы? — спросила она и, не дожидаясь ответа, будто зная его, скрылась за кустами орешника.

Витя посмотрел на небо — и в самом деле на горизонте собирались темные грозовые тучи.

И гроза разразилась. Да какая! Гигантской силы ураганный ветер ломал и валил на землю вековые деревья. Непогода бесновалась всю ночь. Витя даже начал опасаться, не помешает ли она предстоящему свиданию. Но, хотя на утро гроза и стихла, его ждали другие неприятности.

— Ты все время проводишь у реки, не помогаешь мне по хозяйству, — строго сказал отец. — Сегодня поедem в лес за дровами. Никуда не уходи.

«Встречу с Лизой придется перенести на вечер. И как только найдется свободная минутка, сбегая на реку, посмотрю на нашу иву. Уцелела ли она?..» Но его беспокойство было напрасно: дерево выстояло. И они еще не раз сидели на пологом стволе, спустив в воду ноги.

Человеческая жизнь состоит из встреч и расставаний. Вот и пришел день, когда Лиза сказала ему, что завтра должна уехать. В прощальный вечер они почему-то прошли мимо своей скамейки под кленом, не решились на нее сесть. Но почему? Ведь она им принесла столько радостных встреч и вечеров. Возможно потому, что стояла около сада и была видна с улицы. Витя вдруг вспомнил про свое любимое местечко — настил у склепа. Этот склеп стоял в саду и был построен еще его прадедом. С наружной стороны у стены под навесом был сделан настил для сена. Витя любил это место. В детстве оно не раз спасало его от отца, хотевшего наказать за какие-нибудь провинности.

Сюда они и пришли с Лизой в день прощания. Уселись на сухое пушистое сено, прижались друг к другу. Так и просидели всю ночь.

— До будущей весны, — сказала она, прощаясь.

Потом, как будто спохватившись, поцеловала его в лоб и исчезла.

...Воспоминания о юности были прерваны до боли знакомым голосом той, о которой он только что думал.

— Виктор Семенович! Где вы пропали? — Это был голос Елизаветы Петровны.

Да, это же вчера вечером, когда он приехал в пансионат, к нему подошла эта женщина и спросила, как его зовут. Было темно, и он не узнал в ней ту, которую искал и любил столько лет. Вот теперь она опять стоит перед ним. Правда, не такая юная, как много лет назад. Рядом с ней — подружка, чуть моложе, и тоже красавица.

— Мы вас одного не пустим на прогулку, — защебетала соседка Елизаветы Петровны. — Мы за вас так волновались, не случилось ли чего с вами... Вы не пошли на обед.

— Хорошо, будем ходить на прогулки вместе, — согласился Виктор Семенович.

И все же получалось так, что рано утром он прогуливался один. По знакомой тропинке каждый раз шел к озеру около березовой рощи. И не однажды любовался деревьями. К концу сентября деревья меняли свою окраску. Каждый день

природа придумывала роще все новые и новые тона. Первоначально осень делала ее желто-зеленой, потом — багровой.

Последняя встреча у них произошла накануне отъезда. Виктор Семенович предложил пройтись. Стояла скучная, какая-то дремучая тишина.

— Витя, исполнились ли твои планы, побывал ли в других странах и видел ли иные цивилизации?

— Честно говоря, не все мои мечты сбылась, — признался он. — Если бы я окончил мореходное училище, за границу плавать все равно бы не смог. Потому, что проживал в войну на оккупированной территории... Да, юность наша прошла во времена сталинизма. В тот деспотичный период все лучшие мечты гибли. Бывший вождь считал, что человек не должен жить там, где он хочет. Мы все были крепостными государства. Но жил я честно, скромно, с неба звезд не хватал. Не пил, не воровал. А как ты жила все эти годы.?

— Как все одинокие, — призналась она. — С мужем мы давно в разводе. У меня двое детей. Сын — Виктор... В твою честь назвала. Он у меня хороший. Офицер. Живет отдельно. Дочь — вместе со мной. Не замужем. И выходить не хочет. Книжки читает, в кино ходит. А вот по

хозяйству мне не помогает, и денег на продукты не дает... — И вдруг резко сменила тему: — Витя, я не только не жалею, что встретила тебя много лет назад, а благодарю судьбу, что она дала мне возможность испытать такое большое человеческое чувство... Хотя наша любовь и была короткой, но зато настоящей и яркой. А человек, который испытал большое чувство, не может быть несчастным. Знаю, это последняя наша встреча... И я благодарю за нее судьбу. Юная любовь, что ты зажег во мне, согревала меня всю жизнь. А кошелку, которую подарил, тогда, в деревне, я все еще храню, как самый дорогой подарок... Вместе со стихами, которые ты мне присылал из армии.

— Лиза, я хочу задать тебе еще один, наверное, неприятный вопрос, — осторожно начал он, волнуясь. — Почему ты поспешно вышла замуж, не дождавшись моего приезда. Мне больно вспоминать прошлое. Но я скажу: это была, конечно, твоя непоправимая ошибка.

— Я знаю, что ты получил мое последнее письмо и фото в тот момент, когда у тебя был уже куплен билет, чтобы ехать ко мне. Прежде, чем отослать твои фотографии, я долго плакала и мучилась. А причиной нашего разрыва послужило письмо твоего друга. Друга детства. Не

только женщины, но и мужчины, оказывается, бывают завистниками и сплетниками. Он писал о тебе, что ты, мол, демобилизовался и все вечера проводишь с молодой агрономкой. Собираешься на ней жениться. В это время ко мне в аптеку зачастил парень. Он и раньше предлагал мне руку и сердце, но я всерьез это не принимала. А тут такое письмо от твоего односельчанина. Вот я и сделала неправильный шаг. Позже узнала правду, но уже нельзя было ничего изменить. А парню тому нужна была не я, а медикаменты, на которых грели руки его дружки...

Дальше разговор не клеился. Они молча пошли в свой временный дом. Договорились завтра утром встретиться у большого камня на опушке леса. Отдыхающие называли этот камень «девушкой в плаще». На его плоской стороне была изображена молодая девушка, стоящая под дождем в плаще с накинутым на голову капюшоном. Существует даже легенда, что один пылко влюбленный юноша назначил свидание у этого камня, но в тот час полил сильный дождь и начался ураган. Несмотря на стихию, юноша пришел к камню. А его избранницы не было. Он стал приходить к назначенному месту каждый день, но ни разу ее больше не встретил. Никто не знает, что случилось с девушкой. Возможно, ее унес

ураган. Тогда юноша будто бы сказал себе так: «Ты меня будешь здесь ждать вечно!». И высек на камне ее портрет.

Назавтра Виктор Семенович встал рано. Знакомой тропинкой отправился на опушку леса. Стояло прохладное осеннее утро. Поле было покрыто густой дымкой тумана. На придорожной траве лежала морозная роса. Казалось, все в природе замерло. Даже листья чуткой осины не шелестели, как обычно.

Но не умерла природа... На искусно вытканых паучками ажурных салфетках-паутинках там и тут повисли красные и желтые листья. Вот они — прощальные гастроли художника природы.

Виктор Семенович начал собирать букет из листьев. «Мы у леса прощенья просили, унося эти листья домой, чтобы эта чудесная осень оставалась у нас и зимой» — пришли на память строчки.

С букетом он подошел к камню и стал ждать Елизавету Петровну. Но она не шла. Решил возвращаться в пансионат. По дороге вспомнил слова Елизаветы Петровны: «Моя судьба очень похожа на судьбу девушки в плаще. Я, как и она, ждала своего возлюбленного всю жизнь». Виктор Семенович вернулся к камню и положил собранные листья к ногам силуэта.

Зайдя в свой номер в пансионате, сразу увидел большой букет алых гвоздик, стоящий на его тумбочке.

— Кто их принес? — спросил он у соседа по комнате.

— Елизавета Петровна, — ответил тот.

— Сказала что-нибудь?

— Только, что надо срочно уезжать...

— А телефон не оставила? — еще не терял надежды Виктор Семенович.

— Нет... Только букет.

Виктор Семенович сел на стул и опустил голову. Ему еще никогда не было так грустно.

МЕСТЬ И ЛЮБОВЬ

Когда дед Игнат рассказал, как леший водил его по болоту у деревни Лесная, никто не удивился.

— Не ты первый, — сказал пожилой Астап и продолжил тему о своих приключениях. — Иду я как-то вечером домой с местечка Раков. Дорога, известно, около Чертова Болота проходит. И вот — приблизился к болоту, а дальше — ни шага к цели не могу сделать. Кружусь по горелой имшаре, и весь прок. Голова пустая, словно из нее кто-то мозги вынул. К утру только пришел домой. Посмотрел на калитку, а там злая

рожа висит. И стоило мне крикнуть: «Крест, крест!» — как она исчезла...

Если вам интересно, слушайте! Почему на болоте поселился нечистый и откуда он взялся? Начну издалека. Когда человек на земле нагрешит, убьет кого-нибудь или другие злые дела совершит, то после его смерти душу не принимают небеса. Она остается на земле в виде сатаны. Те люди, которые совершили небольшие грехи, их души после смерти проходят очищение на другой планете. Потом возвращаются на землю и поселяются в младенце. Начинается новая жизнь... Но вернемся к Чертову Болоту. Я хочу, чтобы эту историю знали наши потомки. Мне ее поведал мой прапрадед, а ему — его дед. На том самом месте, о котором много говорят, очень давно стоял богатый хутор. И жил там землевладелец Авдей с женой и сыном Авинем. Вокруг расстилалась зеленые луга и пашни. Зрела пшеница и колосилась рожь. Никакого болота здесь не было и в помине. Но не было и настоящего человеческого счастья в этом семействе. Хозяин — злой, завистливый, угрюмый человек. Не зря ведь говорят, что яблочко от яблоньки далеко не откатится. Сын Авин рос самолюбивым, алчным, замкнутым.

За усадьбой Авдея стояли дремучие леса. А среди боров, дубрав, березовых рощ на неболь-

шой поляне за рекой Исlochь приютился дом лесника Михася. И все, что у него было самое дорогое — это красавица дочь Любавушка. Хозяин постоянно восхищался ею: «Ох, какая у меня хорошая дочь!..» Подстрелит дичь в лесу, радостно скажет: «Пойду, порадую свою неженку добычей». У Любавушки талия была стройная, как ствол молодой березки. Волосы русые, словно сосновый бор. В глазах голубых виднелись озера лесные. Ресницы длинные, будто мхи у криниц. Росла она скромной, послушной. Уважала батюшку и печалилась о покойной матушке. А нравился ей пастушок Иванушка, который пас стада на заливном лугу у лесной реки. Заслушивалась она часами, как играет Иванушка на жалейке-дудочке. Долго не решалась подойти к нему и поблагодарить за то, что радует сердце мелодией нежной. Но вот однажды, набравши полную кошелку земляники, ей так захотелось угостить музыканта, что даже скромность не помешала встретиться с ним. Нашла предлог, сказав, что, мол, заблудилась в лесу. Иванушка встретил ее сердечно. Усадил на плоский камень, а сам стал играть на жалейке лучшие свои мелодии. Любавушка угощала его ягодой и скромно улыбалась. Они сидели вдвоем долго, слушая музыку и пение птиц. Когда солнышко закатилось за горизонт, паренек проводил девушку до

отчего дома. На прощание она пообещала угостить малиной лесной и скрылась за родительской дверью.

Шло время, на заливном лугу часто играл рожок пастушка, и всегда охотно на его зов бежала Любавушка. Даже буренки во время их встреч не разбегались по полям, а мирно паслись на сочной траве, как бы разделяя их радость. А когда они встречались в лесной роще, птицы и гномы пели им свои песни. Чем бы эти встречи закончились? Конечно, свадьбой. Но помешала им злая судьба-злодейка. Во время сбора грибов в лесу встретил Любавушку Авин. Завистливым, алчным людям всегда хочется завладеть чем-то красивым, чистым, добрым. И Авин, алчно глянув ей в глаза, сказал себе: «Ты, красавица, будешь моей!» Сильно забилося сердечко в груди девушки от его взгляда. Предчувствие какой-то беды стало теснить ее душу. Хотела сказать Иванушке, что снятся ей сны плохие после встречи с Авином, но воздержалась.

Как она не избегала Авина, но он постоянно стоял на темных лесных тропинках, поджидая ее. А когда понял, что подобру ему не побороть соперника, решил убить Иванушку. И убил. Хоронили пастушка всей деревней. Могилу его усыпали полевыми цветами. На свежий песчаный

холмик положили дудочку. Местный староста сказал добрые слова: «Пусть его душе в том мире будет светло, ведь жил он на земле без греха». После потери любимого Любавушка подолгу бродила по тем тропинкам, где они вместе проводили время. У каждой знакомой березки подолгу плакала и просила Бога наказать виновного в смерти друга. А виновник злодеяния не давал о себе знать. Ждал, когда боль и печаль в сердце девушки поутихнет, и время заставит ее выйти замуж за любого.

Однажды, идя в церковь, Любавушка сняла с плеч траурную шаль. Тут-то Авин и подошел к ней, сказал коротко: «Я пришло к тебе сватов». Так Любавушка сменила свой скромный кут на богатый хутор. Прошло немного времени после их свадьбы. Молодая хозяйка вышла во двор покормить птицу. Посмотрела на забор, а за ним странник стоит. Хотела подать ему милостыню, но он отказался. Спросил лишь разрешение переночевать. Она ответила согласием и проводила в дом. Поздним вечером, когда обитатели богатого поместья собирались ко сну, старик достал из сумки Библию и стал читать. Перевернул несколько страниц и обратился к хозяйке: «Я не голоден, но мне очень захотелось глазуньи. Поджарьте, если можно, пару яиц». Хозяйка ничего

не ответила, заметно заволновалась. Через несколько минут растопила печку и приготовилась жарить глазунью. Ударит скорлупой о край сковородки, и вместо того, чтобы яичко падало в сковороду, оно почему-то оказывалось на полу. Хозяйка заплакала, будто она в этот момент теряла самое дорогое. А старик посмотрел, что происходит, и сказал: «Мне уже не хочется есть, больше не разбивай их. — Тяжело вздохнул и спросил: — Отчего, хозяйюшка, так горько заплакала? Разве тебе яиц жалко?» — «Нет, — ответила хозяйка — Мне один кудесник как-то предсказал, что в этом доме будет благополучие до тех пор, пока не упадет яичко на пол». — «Спасибо тебе, дитя, за уют... Я переночую в доме лесника. — И заключил: — Похоже, твоя душа еще не очерствела к людям... Пожалуйста, проведи меня к леснику». И они вместе пошли по лесной тропинке.

Утром странник вернулся на хутор забрать Библию, которую он забыл вчера. Но постройки исчезли. На том самом месте, где стоял хутор, образовалась большая воронка, наполненная черной болотной водой. Путник подошел поближе и увидел: посреди кратера плавает его книга. Он осторожно подтолкнул ее к берегу и положил в дорожную сумку. С тех пор в этой черной дыре

и поселились черти. — Астап, заканчивая свой рассказ, добавил: — Сельчане мне говорили, что Любавушку никто больше не встречал в этих местах, но эту легенду о ней все знают.

РАДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ

Как радуешься неожиданной встрече через много лет разлуки с давним другом!.. Бывает, так нахлынут, казалось, давно забытые воспоминания при встрече со старыми местами, где когда-то прошли считанные недели твоей жизни. И защемит сердце о прошедшей молодости.

По природе своей Николай Петрович — человек с веселым нравом, энергичный. В молодые годы он с успехом танцевал в самодеятельном ансамбле песни и пляски. И его коронный номер «чететка» всегда вызывал бурю аплодисментов в зрительном зале.

Николай Петрович отзывчив к человеческому горю. Он вырос в многодетной крестьянской семье, много трудившейся, но все равно испытывавшей постоянно недостаток. Среднего роста, со смуглым подвижным лицом, серыми живыми глазами, он был из тех, про кого в народе говорят: не ладно скроен, но крепко сшит... И только после смерти сына заметно постарел, осунулся. Темные волосы преждевременно поседели.

В молодости Николай Петрович несколько раз отдыхал на берегу Балтийского залива. Ему нравилась Прибалтика с ее умеренным мягким климатом, удобными пологими пляжами, мелким чистым песочком. Пройтись по такому пляжу — одно удовольствие. Нога ступает легко, словно по ковру, вытканному самой природой. Добротные пляжи Прибалтики имеют больше преимуществ перед черноморскими, обрывистыми, покрытыми грубой галькой, по которой больно ступать привыкшей к обуви ноге.

Так получилось, что в Юрмале Николай Петрович не был много лет. И вот представился случай. Вечером, сразу же, как только приехал и едва успел определиться в гостиницу, он поспешил к морю. Курортный городок был окутан сумерками. По освещенной дорожке быстро приблизился к дышавшей мрачно и влажно воде. Прошелся вдоль берега по бархатному песку. Потрогал, словно поздоровался, набежавшую волну.

Берег был почти безлюден. Гуляло всего несколько пар. И те ежились от промозглого ноябрьского ветра. Далеко в море ярким огоньком мигал маяк. Его отблески серебрили волну, отражались радугой на воде.

Время было позднее. Пора возвращаться в номер. По дороге Николай Петрович думал, что первое свое желание он исполнил — увидел

кусочек желанного морского берега. Теперь осталось исполнить второе — найти, если их еще не снесли, те двухэтажные домики пансионата, где ему когда-то было так хорошо и тепло. Засыпая, он дал себе слово завтра же заняться поиском.

На другой день, освободившись от дел, пошел по старой, к счастью, до сих пор сохранившейся тропинке, которая и привела его к современному десятиэтажному зданию. Словно великан, возвышалось оно над домами старой застройки.

— Сколько лет этому высотному корпусу? — спросил Николай Петрович у проходившей мимо пожилой женщины.

— Да уж лет двадцать, — ответила та.

«Если не ошибаюсь, как раз на этом самом месте стояли второй и третий спальные корпуса пансионата, — думал он. — Кажется, здесь недалеко был и одноэтажный домик, где я с приятелем жил. Без удобств, но было весело, интересно. Наверное, его снесли. А жаль. Видно, правда, что все в жизни уходит безвозвратно...» За этими мыслями и не заметил, как миновал новые постройки. И — о радость! — увидел небольшой одноэтажный домик. Тот самый!

Почти проживший жизнь человек, он стоял перед простым деревянным зданием и радовал-

ся встрече с ним. Да, нашел, что искал. И чем больше вглядывался в знакомые черты, тем явственнее проступали в них морщины времени.

Но вот радость сменилась печалью. Николай Петрович не был готов к этому. «Почему, — подумал он с болью, — так грустно стало, ведь я нашел, что искал. Наверное, потому, что именно при осуществлении желаний понимаешь: прошлое невозможно, оно ушло и не вернется никогда...»

СВАТЫ

О том, что Игнат хочет отдать свою дочь замуж за достойного человека, знали все в ближних селах Минского уезда. Слышали и о том, что девушка не отличается красотой, но отец дает за нее хорошее приданое. А в старину на Белой Руси не могли выдать замуж или женить сына без сватов. И было все так. Встретит отец семейства в корчме или на базаре старого приятеля и начинает разговор о женитьбе: «Сосватай, кум, мою кровиночку, — толкует он. — Приданое за ней хорошее, и свата не обижу».

Сваты приезжают, и все им не так. То деньги небольшие, то невеста не подходит. И сколько Игнат не говорил своим знакомым о сватовстве, Данута оставалась сидеть в отчем доме. Но вот

однажды, в зимний морозный вечер, как раз на Пилиповку, когда волки воют от холода и голода, около Игнатовой избы, гремя бубенцами, остановились две кареты. Кони гнедые их, как ветром, пронесли по сугробам деревенской улицы.

Сельчане, услышав редкий звон колокольчика, прижались носами к замерзшим оконным стеклам. А чтобы лучше рассмотреть фурманки, стали царапать на окнах иней, не переставая судачить и гадать, к кому бы они могли поехать. Догадки строили разные. Поначалу сошлись на том, что, возможно, заблудился проезжий купец или почтовая тройка. Но скоро село облетела свежая новость. Ее разнесли вездесущие мальчишки. Помогла им в этом деле неутомимая тетка Параска, любительница почесать язык на сплетнях. Она побывала почти в каждой избе, чтобы сообщить, что к Дануте приехали сваты.

И все было именно так. Встретил сватов сам хозяин. В дом вошли толпой. А кони быстрые продолжали бить копытами мерзлую землю — рвались в дорогу. Чтобы как-то их усмирить, тут же привязали к забору.

Хозяева волнуются, быстро накрывают стол. Принесли колбасы и нарезанное сало. Поставили квашеной капусты, соленых огурцов. Налили в кувшины водку. Пригласили ближайших

соседей. Пусть разделят радость. Жених молодой, богатый, купеческого рода. Сидит на куту, рядом с будущей невестой, улыбается. А сват жениха сказал хозяину, что девушка подходит, быть свадьбе. Игнат на радостях готов был все свои деньги выложить на калым. Но тут произошло непредвиденное. Их давний сосед, старый человек, Аграфен, уронил под стол вилку. Согнулся, чтобы ее поднять и зацепился за длинный косматый хвост. От неожиданной такой находки тихо произнес: «Черт побери». Присмотрелся получше, а под столом множество таких хвостов. В испуге не успел ничего сказать, как вдруг прокукарекал петух. Приезжие гости обеспокоенно зашевелились. Но вот петух прокричал три раза, и приезжане с шумом, свистом вылетели во двор и растворились в ночной тьме, будто их и не было. Лошади и кареты тоже с шумом улетели вместе с вихрем и метелью.

После этого сваты к Дануте больше не приезжали.

ВОРОНЕНОК И ВОРОНЬЕ

Это случилось на макушке лета. В старом городе, во дворе детского садика. Сад был прикрыт со всех сторон жилыми домами от центральных улиц и утопал в зелени деревьев. Казалось, что

здесь самый тихий уголок города. Среди деревьев особенно выделялись тополя. Они имели солидный возраст, и обыватели даже стали опасаться, как бы который не упал на крышу дома. Ствол тополя настолько толстый, что двое мужчин не смогут обхватить в четыре руки, не говоря уже о кроне, которая и того богаче — раскинулась шатром. Человек, стоя у ствола, даже в ясный летний день не может увидеть небо сквозь густую листву, а тем более рассмотреть, какие птицы свили там гнезда. Их увидеть можно будет только осенью, когда листва опадет и принесет дворнику много хлопот. Правда, детям она даже нравилась. Они ходили по газонам, шурша, подбрасывая листья ногами.

Но давайте вернемся к тайне тополей. Что же они скрывали в своих ветвях от любопытного человеческого глаза?

Ранним утром сторож увидел во дворе много птиц. Вели они себя тревожно, с шумом перелетая с дерева на дерево. Стоило ему пройтись по двору, как те стали парить над самой головой, угрожая ударить крылом по лицу. «Что-то тут не так? — подумал он. — Такого налета еще никогда не было. И чем дальше он шел, тем сильнее кричали вороны. Наконец около детской веранды заметил вороненка. — Ах, вот в чем дело! — сказал он себе. — Ночью был ветер, ливень, ты

упал из гнезда. А неокрепашие мокрые крылья не смогли тебя поднять обратно. — Птенец, учувяв присутствие человека, мелкими шажками побежал к забору, повторяя свое «кра-кра». — Криком делу не поможешь, — сказал старик. — Тебя у забора обязательно найдет кот или собака, и твоя песенка спета».

Сторож осторожно взял птенца в руки, посмотрел на крону тополя, где должно быть гнездо. Его он там не заметил и принес птенца в дом. Посадил в ящик, насыпал зрелой смородины, хлебных крошек. Но пленник к пище не притронулся. Прошли сутки. Старик повез птенца к себе домой. Жил он на окраине города у самой кольцевой дороги, около леса. Поселил своего питомца на балконе в клетке, где тот и прожил несколько дней. Okреп, высох, стал хорошо кушать и, кажется, смирился с неволей. Однажды, когда старик крепко спал после ночного дежурства, его разбудил стук в балконное стекло. Когда он поднялся и подошел к балкону, то увидел, что вороненок выбрался из клетки, взлетел на лимонник и взывает о помощи к братьям старшим. Те сидят на выступе балкона и каркают вместе с ним. Появление человека их ничуть не испугало. Жилец балкона стал перелетать с вазона на вазон, уверенно махая крыльями. Правда, лесные вороны слетели с выс-

тупа, уселись на ближайшем дереве. Своим поведением они явно говорили: «Братишка, мы ждем тебя здесь». Старику ничего не оставалось, как отпустить пленника на свободу. Он открыл балкон, вороненок уверенно взмахнул крыльями и сел на ветку рядом со своими. И те перестали кричать, успокоились.

ФРАНОК

Россия стояла на пороге войны. В 1914 году кайзеровские войска подошли к Минску. Под звуки марша немецкий сапог топтал белорусскую землю. В это беспокойное время кучер помещика Равича отправился на Раковский базар продавать пшеницу. Подъехав к местной школе, в которой разместился немецкий гарнизон, увидел переполох среди окупантов: солдаты в спешке грузили на повозки свое оружие и покидали местечко. Из непонятной речи, на которой говорили чужаки, он понял только одно слово: «Нахгаузе». Это значило, что они уезжают домой.

С базара бежал торговый люд, опасаясь грабежа. В течение часа местечко опустело. Кузьме ничего не оставалось, как повернуть свою лошадь в обратный путь. Остановился только у

небольшой лесной речушки, чтобы напоить коня. Малолетняя дочь, ехавшая вместе с ним, сошла с телеги, стала ломать ветки белой и пахучей черемухи. По берегам ручья ее было много. Увесистые, крупные бутоны чуть ли не касались воды. Отец посмотрел на дочкин букет и подумал: «Черемуха такая живучая, как и наш народ. Сколько раз недруги пытались поработить его, а не вышло. И Кайзер думал захватить наши земли. А пришлось убегать. Вот и черемуха, сколько не ломают ее, а она растет, цветет, хорошеет».

Насладившись сказанным и ароматом цветов, собрался в путь. Аня с букетом в руках решила пройтись рядом с повозкой. Не прошло и десяти минут, как дочка крикнула:

— Отец, остановись! Посмотри, кто к нам бежит.

Кузьма увидел: со стороны раковской дороги лесной тропинкой с испуганным лицом бежал мальчик. Остановился у повозки, заплакал. Не зная, чем помочь, Аня протянула ему свой букет, хотя не была уверена, что ветки черемухи остановят слезы. Отец стал спрашивать, кто он, как заблудился. Но мальчик продолжал плакать, не говоря ни слова. Тогда Аня посадила его на телегу, и сама села рядом.

Ехали молча. Во дворе опять спросили мальчика, как его зовут. После долгого молчания он проронил лишь одно слово:

— Франок.

— Отец, — сказала дочка. — Он — немец.

— Позовите паню, — предложил кто-то. —

Она знает их язык.

Подошла помещица, спросила, кто он? И мальчик заговорил. Оказывается, он ехал в обозе домой. Увидел большой сад цветов. Сошел с воза, чтобы наломать букет, а обоз ушел...

Поговорив с женой, Кузьма решил оставить мальчишку в своем доме. Аня стала учить его нашему языку. Они ели с одной миски. Играли в одни игры... Постепенно их дружба переросла в любовь...

Детей Аня иностранцу рожала исправно. На деревне ее стали называть Франчихой. Все шло хорошо. Но в сорок первом опять пришли немцы. К Франку приехал сам комендант Заславля с предложением пойти на службу в полицию. Он так заявил, что, мол, каждый немец должен помогать строить великую Германию. Узнав такую плохую новость, на семейном совете решили: Франаку лучше пойти в партизаны. А их не надо было далеко искать. Отряд Щорса стоял в местном лесу. Используя знания немецкого языка,

Франак не один раз проникал во вражеские гарнизоны. Приносил командиру отряда ценные разведданные.

Давно уже ушел в историю помещик Равич. Нет в живых Франака, но я часто встречаю на загородной автобусной остановке худенькую, небольшого роста старушку. Она постоянно приходит сюда встречать своих сыновей и дочерей, которые приезжают к ней в гости. А не так давно, увидев меня, она сказала:

— Я вас знаю, похожи на отца. — Возможно, это был повод для разговора, чтобы похвалить своих детей. — У меня шесть сыновей, три дочери и двадцать внуков, — продолжила свою беседу Франчиха. — И все они хорошие, трудолюбивые. И похожи на деда.

ШУТКИ ЛЕШЕГО...

О том, что Игнат — великий шутник, жители деревни Лесная знали все. От его шуток даже поговорка пошла: «Будь здоров, Игнат». Смысл сводился к тому, что, предлагая соседу рюмку водки, Игнат всегда выпивал ее сам.

Но односельчане уверяли, что не только он шутил над ними, но над ним тоже шутили, да еще как! А дед Карусь даже возбужденно воскликнул:

— Никогда с Игнатом в Раков на базар не поеду! — И стал рассказывать: — Ехали мы как-то поздно осенью с базара. Пшеницу продали удачно. В корчму зашли, замочили хорошо. Сели в телегу и поехали домой. По дороге человек повстречался. «Подвезите, добрые люди», — говорит. «Садись... Конь добрый, довезет и троих, к тому же темнеет, заблудиться можно на лесной дороге». Доехали до леса, а лошадь вся в мыле, еле тянет повозку. «Карусь, может, ты после этой корчмы стал на пудов десять тяжелее? — шутит Игнат. — Что-то здесь не так. Троих мужиков лошадка еле тянет». Проехали первый лесок. Стали подниматься к Черным Лучкам. Смотрим, на самой проезжей дороге баран лежит со связанными ногами. Объехать его никак нельзя. С одной стороны кусты лозы растут, с другой — сосна стоит. А лошадь храпит и бьет ногой о землю. Норовит то влево, то вправо свернуть. Мне стало не по себе, хмель прошел: жутко, мороз по коже бежит. Баран блеет не овечьим голосом. Повернулся к повозке головой, глаза блестят, как фонари. «Поворачивай лошадь обратно!» — говорю я Игнату. А он мне в ответ: «Зачем?.. Сейчас погрузим барашку на телегу и поедем домой». Ну, мы слезли с телеги, подошли к барану. Стали его поднимать, а он такой тяжелый, что с места не можем сдвинуть. Тогда Игнат и гово-

рит: «Скажи этому человеку, что сидит на возу, чтобы помог нам». На мой зов попутчик ничего не сказал — слез с телеги, подошел к барану, взял его за спину и легко забросил на воз, словно футбольный мяч. Мы уселись впереди, отдав непрошенным гостям большую часть подводы, и поехали молча. Лошадь шла рывками. Пройдет шагов тридцать и остановится. Наконец проехали Черные Лучки. Еще немного — и минем заросли кустарника, там и поле будет. Но лошадь, похоже, утомилась окончательно. Прошла еще немного и стала. Как мы не погоняли ее, она не сдвинулась с места. Мы с Игнатом слезли с повозки и обошли упряжку. Посмотрел я со стороны на воз и замер в ужасе: на повозке вместо одного барана лежат два. «Что за чертовщина?!» — в испуге крикнул я. И стоило мне это произнести, как оба барана спрыгнули с воза и со свистом и хохотом скрылись в лесу.

Мы в испуге вскочили на повозку. Лошадку нашу будто подменили — рванула с места рысью и не замедлила бег до самого дома.

ЛАСТОЧКА

Был конец мая. Я стоял на крыльце «Метростроя» и любовался красными цветами шиповника, который рос у самых ступенек здания. Нео-

жиданно с крыши дома с птичьим криком и писком к моим ногам упали две птицы. Когда я нагнулся и рассмотрел их поближе, то увидел, что это были ласточки — самец и самка.

Самец отличался тем, что был крупным и агрессивным. Об этом говорили его глаза, крылья и когти, которыми он впился в свою избранницу. Самка была поменьше телом и крыльями. Присмотревшись к ним повнимательнее, я заметил, что самец вцепился в свою подругу когтями так сильно, что нельзя будет без применения физической силы освободить ее.

Тот факт, что, падая с крыши четырехэтажного дома, рискуя разбиться, самец не отпустил свою избранницу, насторожил меня. Вначале я поднял птиц с асфальта и отнес на ближайший травяной газон, подумав о том, что самец скоро и без моего вмешательства отпустит жертву.

Пролежав на траве несколько минут, самец, несмотря на присутствие человека, стал еще более агрессивным, чем прежде. Он клевал свою партнершу то в голову, то в крыло.

Я попробовал рассоединить птиц, но ничего не вышло — самец крепко вцепился в тело ласточки. И я решил позвать на помощь. Мимо меня в это время проходила молодая пара. Бегло пояснил им, в чем дело. Попросил покараулить

птиц, пока я вернусь. Молодая пара, сразу же оценив ситуацию, согласилась помочь мне.

Я поспешил в дом, чтобы набрать банку воды для оказания помощи ласточке — мне пришла в голову светлая мысль: древние всегда такие конфликты разрешали с помощью воды.

Когда я вернулся на газон с трехлитровой банкой воды, молодой мужчина, который выглядел старше своей спутницы, сказал:

— По-моему, до полового акта у птиц еще не дошло, но самец пытался и пытается ее изнасиловать.

На эти слова его спутница грустно улыбнулась и сказала:

— К сожалению, такое бывает не только у птиц, но и у людей...

Мы не спешили выливать воду на птиц. Решили повнимательнее еще раз осмотреть захваты. Возможно, самец ослабил их. Но не тут-то было.

То, что мы увидели, поразило нас: самец не только не ослабил свои позиции, но даже укрепил их. Он поменял место захвата и сильнее вцепился за ноги своей партнерши. Тут-то мы все трое единодушно и решили — нужно лить воду. Три литра воды было вылито на парочку, у которой не состоялся насильственный брачный акт.

Облитые водой, птицы лежали на траве спокойно. Даже агрессивный самец перестал клевать свою партнершу и вытащил когти с ее измученного тела. Наконец он встал на ноги, отряхнул с перьев воду, пробежал по дорожке и улетел, оставив свою подругу лежать на траве. Мой помощник осторожно поднял ласточку с земли и попытался поставить ее на ноги. Но та, ослабевшая, легла набок. Полежав так несколько минут, вдруг решительно встала, прошлась по газону, взмахнула крыльями и улетела в обратном направлении от самца.

В ЛЕСОПАРКЕ

Весна была на редкость дождливой. Казалось, в небе образовалась дыра и уже никто и никогда не сможет ее залатать.

Но, как часто бывает в природе, с наступлением июньского солнцестояния дожди прекратились, на смену им пришло жаркое, душное лето.

Лесопарк, что вплотную подступал к домам нового микрорайона, с приходом солнечных дней преобразился: он весь посветлел и заиграл яркими соцветьями душистых полевых трав, а могучие деревья подняли к солнцу свои раскидистые, мохнатые ветви. И если на городских ули-

цах людей одолевала жара, здесь — бодрила прохлада, пели птицы, дышалось удивительно легко.

— Только в такую погоду ранним летним утром можно наблюдать и слышать настоящую жизнь леса, — любил говорить дед Антон.

Возможно, потому он и повел внука Витальку на утреннюю прогулку в лес.

Солнце разлило свои щедрые лучи на лесные поляны. Цветы просыпались от ночной спячки. Первым очнулся одуванчик и желтыми яркими головками заблестел на солнце. Некоторые его собратья уже отцвели, и от малейшего дуновения ветерка их крохотные парашютики взлетали, чтобы недалеко приземлиться и опять встретиться с солнцем, но уже будущей весной.

— Деда, а куда они улетают? — заметив легкий полет парашютиков, спросил внук.

— На новое место жительства, — ответил дед. — Давай лучше, дружок, послушаем музыку леса.

Дед и внук молчали, с удовольствием слушая лесной концерт. А солнце, легкий ветерок, мягкая зелень, казалось, аккомпанировали певцам. Лес и действительно был наполнен веселым птичьим гомоном. С короткими перерывами, подражая соловью, щебетал зяблик. Нежно тенькали синички. Певучие трели выводил лесной скво-

рец. В своем ярком оперении, вцепившись лапками за ствол сосны и опершись на хвост крепким клювом, стучал по дереву дятел: «Тра-та-та, тра-та-та», — словно артист на цимбалах, отбивал он такты на стволе дерева.

— Деда, а кто это стучит? — спросил Виталька, озираясь по сторонам, когда птичьи голоса несколько смолкли.

— Это дятел, — улыбнулся дед Антон. — Еще его называют лесным доктором. А знаешь почему? Он лечит деревья, доставая из-под коры множество вредных букашек, жучков и червячков.

— Я его вижу, — радостно воскликнул мальчик. — Какой красивый!.. Вон он — сидит на толстом суку засохшей сосны... Деда, а почему она засохла?

— Вот об этом я расскажу тебе в следующий раз. — А теперь нам пора домой.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Ранним летним утром я прогуливался знакомой лесной дорогой. Чтобы не возвращаться домой этим же путем, свернул на узкую тропинку. Подумал, что она меня выведет на опушку леса. Тропинка то появлялась, то исчезала. Наконец я увидел поле уже зрелой ржи. Немного передохнув, решил обогнуть его слева, чтобы

сократить обратный путь. Но сколько ни шел вдоль поля, видимо, только все дальше удалялся от цели. Наконец мне стало ясно, что заблудился. «Все равно, — подумал, — опоздаю к обеду, так стоит ли торопиться?..»

Вокруг меня стеной стояла рожь. Тихий летний ветерок игривой волной гулял по ее верхушкам, раскачивая колосья. Хотя солнце поднялось над лесом, долины еще дышали прохладой.

Удобно усевшись на большом камне, решил послушать птичьи голоса. Подражая соловью, пел зяблик. В промежутках между трелями соловья и зяблика тихим голосом вступал снегирь. Многие не различают пение соловья и зяблика. Все дело в том, что соловей вначале подает трели, а потом поет, а у зяблика так не получается...

Чуть правее, в густой чаще, плачущим голосом свистела иволга. Там же, певуче, без прерыва заливалась малиновка и хором трещали дрозды. Только жаворонка я не слышал. Видно, ядохимикаты, которыми удобряют поле, его загубили. Жаворонки — птицы полевая, вьет свое гнездо прямо в борозде.

Помню, лет эдак тридцать назад, в такую же пору жаворонки всегда в голубом небе звенели колокольчиком. Вечерами в здешних местах мне не раз приходилось слышать кукушку, как она отсчитывала людям годки — сколько кому суж-

дено прожить на белом свете. Слышал ласковый щебет волосянки и красногрудки, прерывистый напев синички и пощелкивание лесных снегирей...

В родном лесу я насчитал около десятка голосов. Радовался тому, что их не раздавила чернобыльская трагедия. «Но почему птицы больше всего поют по утрам? — задумался я. — Не потому ли, что в это время тут прохлада и свежесть?» И вправду, после ночного отдыха пернатые обитатели чистят клювы и словно бы расппеваются перед началом трудового дня.

Чем выше поднималось солнце над лесом, тем птичьих голосов становилось меньше.

И меня сморила усталость. Мягкий травяной ковер манил: отдохни. Стоило мне его коснуться, как тут же и уснул крепким сном. Проснулся скорее от того, что на меня из ржи синими глазами удивленно смотрели васильки...

Домой вернулся только к вечеру.

КАЛИНА

Октябрьское солнце клонилось к закату, когда Дмитрий Афанасьевич нашел свободный часок, чтобы пойти в лес выкопать калину. Он ее посмотрел еще в июне, когда ходил в лес нарезать березовых веников. Калина была вся в бе-

лом цвету. «К осени, — подумал он, — куст даст много плодов, богатых витаминами».

Росла калина на низком месте, около небольшого болотца, вокруг которого было много молодых березок, осины и лозы. Этот своеобразный островок, опоясанный полем, на котором постоянно сеяли зерновые, он хорошо знал с детства и любил его микроклимат. Ему нравилось это место еще и тем, что здесь всегда можно было набрать если не полный кош, то полкоша обязательно подосиновиков, подберезовиков и моховиков. Старательно выкапывая корневище дерева, он не заметил, как убралось с неба солнце и взошла луна. А когда вернулся на дачный участок, луна уже стояла высоко над землей. От лунного света было светло, как днем. Недалеко от луны на землю свой яркий свет бросала его любимая зорька Венера.

Опустив корневище в заранее приготовленную лунку и присыпав землей, Дмитрий Афанасьевич старательно примял мягкий бугорок ногой. Постоял немного, посмотрел на звезды, вслушиваясь в тишину, подумал: «Хорошее дело сделал я сегодня... Ведь калина цветет почти все лето. И она будет радовать глаза людей весь дачный сезон. А они когда-нибудь да и вспомнят про того, кто ее посадил, прежде чем уйти из этой жизни».

ДУМАЛИ, ЧТО ЭТО ДУША...

Деревня Птичь, что в семи километрах от Минска, хоронила 18-летнюю красавицу Алесю. Беда в дом пришла неожиданно. Стоял 40-градусный январский мороз. Избу топили два раза в сутки. Печь не успевала остыть, как в малую печурку уже ложили дубовые и березовые дрова.

В избе накопилось много чада. Но хозяева не придали этому никакого значения. Наутро они встали с больными головами, а их дочь осталась лежать замертво. Пришли сельчане, думали, гадали. Родители рыдали, а соседи советовали не спешить хоронить. Прошли сутки, вторые. Алеся оставалась неподвижной. Мать и отец, убитые горем, стали собирать ее в последний путь. Одели белое платье, золотое колечко и серьги. Ведь она должна была весной выйти замуж за местного парня. Деревенские мужики с трудом на кладбище пробили глубоко промерзшую землю. Около вырытой свежей могилы собралось много народа. Слезу роняли даже чужие люди. И вот — опустили гроб в промерзшую яму. Закончив печальный обряд, люди, опустив низко головы, разошлись по домам.

Первая ночь после похорон родного человека всегда бывает тяжелой. Было уже полночь, ког-

да в окошко кто-то постучал. Хозяин подошел к окну и тихонько спросил:

— Кто там?

— Откройте!.. Это я — Алеся, — раздался как будто знакомый голос в морозной тишине.

И опять стук в оконную раму...

— Мать, ты слышишь, душа нашей дочери пришла... Просится к нам в дом.

— Не пускай, — сказала старуха. — Мертвые не возвращаются.

Бедная Алеся, получив отказ, пошла к своей любимой тетушке. Та тоже наотрез отказалась ее впустить. Не рассчитав своих сил, девушка залезла на родительский погреб... И к утру окончена. Не зря в народе говорят: «Берет Бог не старого, а правого». Наутро родители нашли свою дочь второй раз умершей. На ней только отсутствовали золотые сережки.

А случилось вот что. После похорон на кладбище пришли мародеры, откопали свежую могилу. И только успели снять сережки, как девушка ожила. Выбралась из ямы — и домой, а родители... не открыли дверь.

СУДЬБА МАЛИНОВКИ

Когда разоряют гнездо птицы, она создает его заново. Для пернатых это не так просто. Ведь

время для гнездования уже ушло. И позднюю семью, как всегда, настигает непогода...

Такая история случилась с малиновкой, которая поселилась в моем палисаднике. Вороны разорили ее домик. Но жизнь, как известно, не стоит на месте. Лето уже клонилось к концу. В садах и огородах люди собирали урожай. Мы тоже с внучкой Машей толклись у куста крыжовника, радуясь его крупным плодам. Это растение, как известно, колючее, и постоянно жалит. Потому осторожно снимали ягоду. И вдруг на самом сплетении веток, охраняемого шипами растения, увидели гнездо малиновки. Это был ее второй домик в сезоне. В нем лежало пять небольших серых яичек... Я строго наказал внучке, чтобы не говорила брату о находке, боясь, что тот приведет в огород сельских ребят и отпугнет наседку.

Но не деревенские мальчишки создали опасность маленькой птичке. В тот год с июля до поздней осени шли проливные дожди. Бури сносили с домов крыши и заливали водой поля. Это обстоятельство, признаться, и заставило задуматься меня о малиновке. Как же она перенесет с птенцами такую непогоду? В серый ненастный день отправился в огород. Подошел к кусту, осторожно раздвинул ветки и увидел, что из-под

крыльев матери-наседки, торчат пять уже хорошо оперенных небольших головок...

При сильном шуме ветра и мелкого дождя птички, мне показалось, не заметили присутствие человека.

ЛЕТНИЙ БУКЕТ

Мы все хорошо знаем, что после зимней спячки первым зацветает подснежник. Вслед за ним на опушках леса радуется нас белыми цветами куролеп. Потом, как бы стараясь опередить цветущие травы, свой прекрасный маршрут начинают деревья.

А наблюдали вы, какой строгий черед построила им природа для цветения? Первой зацветает алыча, потом — вишня, за вишней — яблоня и боярышник. О калине надо сказать отдельно. Она по долготе цветения и пышности бутонов не уступает ни одному кустарнику. Сменить опавшие цветы калины спешит жасмин. Он своими ярко-белыми лепестками старается придать в огороде больше дневного света. В начале лета цветет бело-красная роза и пионы. Радуется своим нежно-желтым цветком у забора чистотел. Цветет столовый щавель, выделяясь своей длинной красной стрелой среди лугового лютика.

Цветет воборотник, раковая шейка и конский щавель. Цветки блеткета и кмена очень похожи друг на друга. Их можно различить только по семенам в зрелом виде.

Весной природа щедро одаривает человека цветами. До поздней осени на наших лугах цветут кувшинки. Но самым распространенным цветком в наших местах является одуванчик. Мы с наслаждением смотрим на желтое море цветов на полях и лугах и с грустью думаем о том, что они засоряют огороды. Но не все знают, что этот скромный цветок полезный. Из его желтой шапочки можно приготовить прекрасный салат и сделать лекарство.

О ВРЕМЕНИ И О НАС

Давайте на минутку представим, что все часы остановились. Что произойдет? Рабочий не придет вовремя на работу. Стрелочник не переведет в нужное время стрелки. На железной дороге произойдет авария. Летчик не сможет определить время и высоту полета...

А вообще — современный человек привык жить по часам, которые у нас в быту по праву занимают ведущее положение.

Но давайте вспомним, а как же часы входили в нашу жизнь?

Потребность у человека в определении времени появилась еще в первобытные времена. За пять веков до нашей эры в Египте знали, что год состоит из 365 дней. Египетские астрономы, наблюдая за ходом небесных светил, делили год на месяцы, месяцы на недели, недели на сутки, сутки на часы. А часы, которые показали время, появились впервые еще до нашей эры в Риме, Египте, Вавилоне. Они были солнечные, водяные, песочные, огненные. Рудокоп уже знал, когда в светильнике потухнет огонь, он может идти домой. Количеством горючей смеси определялся промежуток времени работы рудокопа.

Но по мере развития науки и техники у человека появилась потребность в более точном определении времени. Первое упоминание с механических часов относится к VI веку нашей эры. В качестве источника энергии в них применялась гиря. Их устанавливали на высоких городских башнях. Циферблат имел одну часовую стрелку. А более точно люди стали определять время, когда был изобретен маятник. Это произошло в 1564 году. Идею подсказал великий итальянец Галилей. Создание механизма маятниковых часов принадлежит нидерландскому ученому Х. Гюйгенсу, который разработал конструкцию и произвел их расчет в 1657 году. Но

они были громоздкие, непереносные. А развитие мореплавания нуждалось в переносных часах. Создание их стало возможным лишь тогда, когда ученые Гюйгенс и Гук изобрели колебательную систему — баланс-волосок. Появление баланса и заводной пружины позволили уменьшить размеры часов. И в XVI веке появились карманные часы. А в начале XIX века — наручные. С бурным развитием науки и техники предъявляются новые требования. И были созданы системы единого времени. Самыми точными механическими часами являются астрономические часы Шорта, названные по имени создателя. Они за сутки имели отклонение от точного времени менее 0,002 сек. Казалось, что точность достигла предела. Но в 1927 году американские физики Моррисон и Рортон выдвинули принципиально новую идею кристаллических часов с генератором чистоты. В этих часах за 30 лет накапливается погрешность в одну секунду. Но еще более точными часами являются молекулярные и атомные на генераторах чистоты. В них ход определяется колебанием молекул или атомов. Генератор наполняется аммиаком или цезием. Специалисты подсчитали, что атомные часы обеспечивают измерение времени с погрешностью меньше, чем одна секунда в течение тысячи

лет. С помощью этих сверхточных часов удалось сделать важное открытие: оказалось, что вращение земного шара вокруг своей оси происходит не строго равномерно. Было установлено, что Земля весной вращается медленнее, а осенью быстрее. Меняется и длительность суток. Было определено, что в период с 1955 по 1958 годы каждые сутки увеличивались на 0,00043 секунды.

СИЛЫ ЗЛА

В одной небольшой русской деревне жил паренёк Иванушка. Любили его люди за то, что он помогал им избавиться от тяжелых болезней. Будь то волосянка, будь то рожа или волчанка. Все он умел излечить. Поведет по больному месту своими ладонями — и болезнь уходит. Как теперь поясняют ученые, в его руках был большой потенциал положительной энергии.

А то, что среди нас живут, как черные силы, так и добрые, ученые еще объяснить не могут. И между этими силами постоянно идет борьба за наши души. Человек же живет в заботах и не заботится о спасении своей души. Правда, ученые давно догадывались, что среди нас имеется множество иных существ, которые и составляют свой мир, невидимый человеческим глазом.

Как и все жители Древней Руси, верил Иванушка в Бога и в то, что знахарство ему дано Им. И вот однажды поздним вечером подошел к нему незнакомый человек. Начал беседу изда- лека.

— Вот ты, Иван, лечишь людей. Делаешь доб- ро. А знаешь ли, что не всегда это надо делать? Возможно, тот человек, которого ты вылечил, понес кару от сильных мира сего, наказан.

— А кто вы? — спросил Иванушка.

— Я из тех, которые все могут сделать. Я могу сделать человека больным, могу его разлучить с невестой или устроить так, что он будет сохнуть по соседке... Короче, если хочешь, тебя научу. И ты сможешь делать все, что пожелаешь.

— А что для этого надо? — спросил Иван у незнакомца.

— Пока ты должен молчать о нашем разго- воре, — ответил тот.

Получив согласие, незнакомец ушел.

В один из осенних дней он опять явился. Ска- зал Иванушке, что он должен пойти в церковь на причастие. Получив согласие, незнакомец произнес:

— Когда батюшка даст тебе хлебок — плоть Иисуса Христа, не ешь его, а принеси мне.

Парень так и сделал. В выходной день пошел в церковь, причастился, а хлебец отдал незна-

комцу, который ждал его за церковной оградой. Вместе они пошли к небольшому лесу. Это было недалеко от церкви. Очутившись в лесу, незнакомец подошел к осине, сломал ветку и наколол хлебок на сучек. В это время кто-то Ивану подал ружье, и он услышал злой голос:

— Стреляй!

Парень в испуге только успел спросить:

— Куда?

— В него, — сказал незнакомец.

И тут Иван увидел, что вместо причастия на осине висит распятие Иисуса Христа. От страха ружье выпало из рук. Но тот же злой голос снова приказал:

— Стреляй!

Иванушка не помнит, как добежал до церкви, как упал около алтаря. Говорят, священник его отмаливал трое суток, пока встал парень на ноги.

Жители той деревни рассказали мне и о том, что Иван никогда больше не шел на приманку сатаны и не предавал христианскую веру. Он прожил долгую и порядочную жизнь.

ОВСЯНКА САДОВАЯ

Наш огород и прилегающий к нему палисадник, видно, понравился пернатым. В один из

летних вечеров на кустах дачного участка я насчитал пять птичьих гнезд. Из них три свила овсянка. Что привлекло птиц к данной местности, я и попытался разобраться. Возможно, на этой территории благоприятные недра земли? О том, что звери и птицы более чувствительные к аномалиям, чем человек, заметили еще наши предки. Свое первое нехитрое жилье они ставили на том месте, где ложился спать их верный друг — собака. Или же вить гнезда на моей даче привлекает птиц сажалка, которая находится рядом? Но тот факт, что они полюбили это место, говорит сам за себя.

Еще в то время, когда у нас не было кустарника и стоял только один дощаный домик, овсянка свила гнездо на выступе крыльца. Прошло время, и поле покрылось зеленью. За три с небольшим года вырос крыжовник, красная и черная смородина, образовав две пышные аллеи. В огороде появилось много птиц. На высокой меже в густом кусте сливняка свила гнездо трясогузка. Рядом с ней на малиновом пучке повис домик малиновки. В скворечне, стоящей у молодого клена, поселились воробьи. Все эти пичуги не только уничтожают в саду вредителей и радуют своим пением нас по утру, но и помогают человеку предвидеть погоду на весь год.

Так случилось и на сей раз. Даже синоптики не смогли предсказать, что грядет большая засуха. А птички знали заранее.

На моем огороде у самого колодца с ранней весны стоят две бочки с водой. Рядом растет пышный куст красной смородины. Представьте себе, даже крапивница изменила своему правилу и свила гнездо на ветке смородины, которая повисла у бочки. Обычно эта пичуга строит свое жилье в крапиве. По другую сторону на том же кусте свила гнездо овсянка. Залюбовавшись тем, как птички прыгают по кромке бочки, я заметил, что они нагибаются к воде, берут в клюв влагу и несут птенцам. Тут же вспомнил народную примету: если птицы выют свои гнезда у воды — будет сухое лето. Еще вспомнил одну примету, посмотрев на рябину, обвешанную крупными красными гроздьями: если на рябине плодов много — будет суровая зима. Природа позаботилась о братьях наших меньших, приготовив им корм на длинную зиму. Так говорят в народе.

В первых числах августа все птички оставили свои гнезда. Мне стало немножко грустно. И вот о чем я подумал в ту минуту: «Благополучно они пережили жаркое лето. Дай Бог, чтобы хорошо перенесли и суровую зиму».

КЛУБНИЧКА

Соседи по дачному участку в шутку ее называли Таежным Охотником, хотя все прекрасно знали, что зовут эту женщину Анной. Как раз, когда на даче случилось ЧП, ей было 92 года. Невысокого роста, худенькая, подвижная старушка.

Клубника в то лето выросла на редкость крупной и созревала хорошо. Было много солнечных дней.

— Присмотри, мать, за огородом, — уезжая в город с друзьями, сказал сын. — Жаль будет если плохие люди соберут наш урожай.

— Не беспокойся, сынок, я все сохраню до ягодки, не зря же меня называют сибирячкой. — И, воспользовавшись случаем, начала рассказывать друзьям сына о себе: — Родилась я в таежной сибирской деревне. Отец с детства меня брал в тайгу. Поначалу, когда охота шла на мелкого зверя: белку, лисицу, куницу. А когда подросла, окрепла, приходилось ходить и на медведя. Убить зверя в охотничьем хозяйстве не считалось удачей. Нужно застрелить так, чтобы шкура осталась целой. Думала, умру в тайге. А судьба распорядилась иначе. Придется свой век доживать в Беларуси. Это не жалоба на жизнь. У сына городская квартира, а летом живу на даче. Правда,

поохотиться здесь негде и некогда, — закончила с грустью свой рассказ старуха.

Но стрелять ей пришлось очень скоро, и не по обычному зверю. В среду хозяйке не спалось. Седьмое чувство тянуло в огород. В окнах чуть-чуть пробивался рассвет. Накинув халат, Анна вышла из дома. Участок был покрыт белой дымкой тумана. Сквозь небольшие проталины чернели четыре человеческие фигуры. Своим старческим глазом она сумела рассмотреть, что три ведра клубники, собранных с их огорода, стоят у калитки.

И хозяйка сказала непрошеным гостям:

— Отнесите ведра в дом!.. И подобра уходите!

На эти слова один из пришельцев ответил:

— У нас — колеса, мы скоро смоемся... А ты скройся и больше не возникай. Иначе ляжешь тут замертво!

Старушка пошла в дом, взяла ружье и сделала два выстрела по машине. Покрышки сели, стекло — вдребезги. А сборщики чужого урожая бежали в панике.

Тут же на выстрелы собрались соседи. В машине обнаружили куртку, в которой были документы на имя директора одной коммерческой фирмы.

Вскоре милиция задержала всех сборщиков клубники.

ГРИБНИК

В народе называют сентябрь месяц грибным. Анатолий Петрович, человек уже немолодой, посетив в середине месяца за Минской кольцевой дорогой приличный лес, убедился в обратном. Уже первые шаги по лесным тропам говорили о том, что лес пустой. Подумал: «Возможно, это край леса, у дороги... И все грибы собрали». Подался в глубь чащи. Но, пройдя более километра, не нашел ни одного гриба. Хотя две недели спустя он тут нарезал и черных груздей, и маслят, не говоря о моховиках и сыроежках. Разных, но набрал полное ведро.

Не зря говорят, что грибы, как удача: приходит неожиданно и исчезает незаметно. А тут, потеряв всякую надежду, ускорив шаг, пошел домой. Идя с видом человека, который не преследует никакой цели, вдруг остановился: увидел около стройной сосны боровик-красавец. Толстая бочкообразная ножка, крупная коричневая шляпка с белой подкладкой снизу. Не старый и не молодой. На полсупа хватит. Грех было не взять его для начала. Вспомнив о том, что белые грибы растут семьями, и не ошибся. Око-

ло молодой березки рос еще один боровичок. Убедившись в том, что лес не совсем пустой, он стал более внимательно всматриваться в лесной покров. И в награду за это нашел несколько маслят и моховиков. Надышавшись вдоволь чистым воздухом и убедившись, что на хороший суп собрал, стал выходить из леса. Единственное, что портило ему настроение, это засорение леса бытовыми отходами. Особенно много валялось полиэтиленовых бутылок. А всем известно, что полиэтилен при разложении выделяет ядохимикат, который влияет на растительность леса. Вот и получается, что суп будет не такой экологически чистый, какой хотел бы иметь грибник.

НАХОДКА

Возвращаясь со школы раньше обычного, около нашего дома я увидел небольшого роста щенка. Он добрыми глазами смотрел на меня и терся около моих ног. Я тут же назвал его Шариком. Круглая головка, покрытая густой шерстью сливалась с туловищем. Поднятый кверху хвостик неподвижно лежал на спине. Стоило мне открыть дверь своей квартиры, как Шарик последовал за мной.

И тут меня осенила мысль: он ничейный. Мы вместе прошли на кухню. Я покормил его моло-

ком. Определил ему спальню в виде картонной коробки и стал ждать с работы маму. Когда она пришла, то не очень обрадовалась моей находке. Попросту стала ругать нас обоих. Шарик все понял и начал жалобно визжать. Он то вопросительно смотрел маме в глаза, то лизал ее туфли. Мама скоро сдалась.

Наш новый жилец крепко привязался ко мне. Он постоянно проводит меня до школы и встречает после уроков.

ПАРТИЗАНСКИЙ ДЕД

*Дорогому человеку —
моему дедушке посвящаю*

Он забрал меня сразу после похорон. Все двенадцать километров до его дома мы шли пешком и молчали. Дед только изредка кашлял в бороду и вздыхал. О чем он так тяжело вздыхал, я в свои семь лет не мог понять, как не понимал, какое несчастье свалилось на нас. Понял позже. Вероятно, о том, что нелегко будет нам выжить, и думал дед. Кругом война, голод, холод...

Когда мы подошли к его дому, дед обратился ко мне:

— Будешь жить у меня... У твоего отца еще четыре иждивенца осталось на руках.

Мой дед — человек бывалый. Ходил еще на японца, как он сам любил говорить. Там и потерял один глаз. Правда, сам глаз был на месте. А что он не видит, я долго не знал. И дед мне об этом не говорил.

Тетя как-то сказала:

— Затяни деду ниточку в иголку. Видишь, он сам не справляется с этой работой.

— Потому, что руки дрожат?

— Твой дед на один глаз не видит. Проклятый япошка выбил зрачок.

Сидя на печи в длинные зимние вечера, дед любил рассказывать о пережитом. А того, что пережил он на своем веку, хватило бы на три человеческих жизни. И вот еще — он пять раз строил себе дом после того, как его разрушали. О последних стройках вспоминал чаще других.

В четырнадцатом году в Ракове засели немцы. Дед организовал сельчан пойти и выкурить их из местечка. Собрали по старым окопам брошенное оружие. Бутылки наполнили горючей смесью. Вооружились по тем временам неплохо. Когда стемнело, подошли к казарме, бывшей школе, где расположился немецкий батальон. И забросали горящими бутылками казарму через окна. Сами же отошли в лес. Назавтра в деревню, где жил дед, приехал карательный отряд. И сожгли дедову хату.

В гражданскую войну он опять пострадал. Уже за советскую власть. Его старший сын, живший в Москве, в прошлом кремлевский курсант, воевал на Западном фронте с белополяками. До родной деревни он не дошел всего десять километров. Как-то в разговоре с местными жителями сын обмолвился, что сам белорус и родом из здешних мест. А через несколько дней наши отступили. Белополяки долго допрашивали деда, все допытывались, где его сын. Побили шомполами и погнали рыть укрепления. Но дед и тут проявил себя как настоящий русский солдат. Белополяки издали строжайший приказ, чтобы никто в укрепрайоне не курил, не разжигал костры. Но как только стемнело, дед свернул факел, зажег его и бросил вверх. А сам убежал в лес. Красноармейцы (так он называл всегда своих) ударили на рассвете. И все боевые точки белополяков были уничтожены.

Опять пришла советская власть. И наделили деду земли, как бедняку, на хуторе. Почва — камень на камне. Не зря дали этой местности прозвище Каменный Лог. От темна до темна работал дед вместе с сыновьями на своем поле. Каждый камень руками был перенесен в межу. На пустыре построил новый дом. Два пруда вырыл. Карпа завел в них. Только бы жить да жить. И

как раз коллективизация началась. Потащил дед свой дом в деревню. Опять стройка. Правда, работы он не боялся, был физически сильным, хоть и роста небольшого. Широкоплечий, немного сутулый. Седая борода и добрая усмешка. Никогда не курил. Прожил девяносто восемь лет, не болея.

В свой последний день взял топор из-под лавки, вышел во двор, нарубил дров. Потом сел у хлева на колоду и умер. Помню, как на похороны приехали его сыновья из Москвы. Все трое они там жили. Не однажды и отца звали к себе, но он всегда отказывался. После войны жил со старухой-беженкой, которая пристала к нему во время войны. Возле родных могил — двоих дочерей, зятя и среднего сына, похороненных во время войны, — остался до конца.

Свой дом, который перенес с хутора в деревню, пришлось разделить: женился средний сын и занял полдома. С отцом осталась младшая дочка Настя. И если бы не война, пришлось бы деду строить себе дом в шестой раз.

Перед самой войной посватался к Насте хлопец по имени Петрусь. Возможно, и вышла бы Настя за него замуж, если бы во время сватовства не получился такой казус. Присмотрелся дед к хлопцу и не понравился тот ему чем-то. Дед и скажи:

— Некуда нам спешить с замужеством, подумать надо...

После такого разговора сваты уехали домой. А как только стемнело, дед сел на своего буланого конька и поскакал в соседнюю деревню, где жил Петрусь. Лошадь в кустах привязал, сам в потемках подошел к дому. Ухом к оконной раме прижался. Слышит, мать с сыном разговаривает:

— Готовься к свадьбе, старуха, — сиплым голосом произнес Петрусь.

— Вряд ли она согласится за тебя выйти замуж, — засомневалась мать. — Ведь ты — лодырь, каких свет не видел. Даже коров тебе пастить доверить и то нельзя. Только злость и зависть в тебе живут...

Дед развернулся — и обратно домой. Приехал и дочке сказал, как отрезал:

— Шли отказ жениху.

Война в деревню, где жил дед, пришла неожиданно. Как во все белорусские города и села. С добрых, ласковых дедовых глаз сошла усмешка. По деревне шли на восток отступающие красноармейцы. Усталые и запыленные. Дед смотрел на них и вздыхал, кряхтел, мрачней с каждым днем.

Как все старые люди, вставал он рано. Обычно летом брал из-под лавки топор, шел во двор,

а потом — в лес, где заготавливал дрова. Кто-нибудь из внуков помогал ему погрузить дрова на подводу и привезти домой. Дед любил лес. Как и для всех односельчан, так и для него лес значил очень много. Дома свои он строил из леса, отапливал их зимой тоже лесом. Из лесу приносил домой грибы, ягоды, орехи. Но любил его не только за лесные дары. Легко ему дышалось в лесу, защищенном от знойных ветров. Не зря ведь белорусы считают лес вторым домом. Тихий шелест ветерка ласкает слух, успокаивает нервы. Для человека, пожалуй, в лесу лучший отдых от всяких бытовых неурядиц, жизненных забот. А сколько раз спасал лес деду жизнь, прятал его и от австрийцев, и от немцев, и от белополяков. Дед платил лесу ответной любовью, и нам, внукам, всегда наказывал:

— Если рубите деревья, рубите только сухие... Лес — наш друг.

В тот памятный для деда день он тоже с утра был в лесу. Только успел срубить сухую осинку, стал теревить сучья, как слышит в лесу шаги. По треску веток определил, что идут двое. Так и есть. Через несколько минут перед ним стояли два незнакомца. Одному на вид лет двадцать пять, другому — за сорок. Тот, что помоложе, одет в рабочую телогрейку, который постарше — в коричневую куртку. И только офицерс-

кие сапоги на ногах, да строевая выправка говорили о том, что эти люди военные. Дед сразу смекнул — партизаны. Он уже слышал, что в местных лесах появились народные мстители. Но все равно встреча была неожиданной, ведь прошло лишь три месяца с начала войны. Дед обрадовался, но вида не подал. Это для них, партизан, он спрятал в склепе пулемет, найденный в лесном окопе. Как человек, умудренный жизненным опытом, он предвидел, что поднимется народ против захватчика, и оружие тогда ой как будет нужно.

Старший по возрасту, поздоровавшись за руку, сначала спросил, как бы так себе, для приличия, мол, из какой деревни он будет. И когда услышал ответ, поинтересовался о том, есть ли там немцы или полицаи, а потом справился, в какой он хате живет, и большая ли у него семья, не разрешит ли зайти вечером. На все вопросы дед отвечал спокойно, утвердительно.

Но не мог тогда он предвидеть, что эта встреча в лесу окажет на его судьбу и судьбу его близких столь большое влияние. Тот, что помоложе, был комиссаром местного партизанского отряда, стал потом его зятем, постарше который — оказался командиром того же отряда...

Дедовы знакомые появились неожиданно, когда он уже перестал их ждать. В один из темных

осенних вечеров кто-то тихо постучал в окно. Дед набросил на себя полушубок и вышел на крыльцо. Перед ним стояли двое, те самые, с которыми повстречался в лесу. Тихо поздоровались. Спросили, кто есть в доме и можно ли зайти.

Ответил:

— Кроме дочери Насти, никого.

Когда они вошли, заметил, что под плащ-палаткой у старшего — автомат. Присели. Заговорили о новостях. Из спальни вышла Настя. Гости представились. Тот, что помоложе, назвал себя Иваном. Старший — Павлом Ивановичем. Дед достал из кукра бутылку самогонки и поставил на стол. Настя принесла и порезала сало, быстро сготовила другую снедь. Дед любовался ей: вся в мать.

После знакомства Иван стал часто бывать в дедовой хате. И приходил всегда поздно вечером. Иногда Настя сама шла в лес. Брала с собой хлеб, сало и сведения о передвижении немцев. Деду тоже доводилось выполнять поручения командования партизанского отряда. Попросил его как-то командир съездить в соседнее местечко, где стоял немецкий гарнизон.

— Отряду нужна связь, — сказал он. — Ты человек старый, никто тебя не заподозрит, а заодно и дровишек завезешь нашему человеку. И

ему хорошо, и связь налажена. Зима стоит, видишь, какая лютая... Поедешь в Гараньский лес, там мои ребята тебя встретят, дров нарубят, увяжут воз и ездай себе спокойно. Они проводят тебя до самого места. При въезде присмотришься: нужный дом стоит вторым от поля справа. Остановись около. Гукни хозяина. Скажи, дрова меняю на куртку. Тебе должны ответить: «Можем предложить куртку, но не новую». Если пароль совпадает, сбрасывай дрова, забирай куртку и возвращайся обратно. Мы тебя еще в дороге встретим у старого дуба.

Едет дед, а на душе беспокойно. Только хотел повернуть к названному дому, как откуда ни возьмись — два пьяных полиция. Один из них и говорит:

— Смотри, Данила, ведь это и есть дед Талаш перед нами.

— Какой тебе дед Талаш?! — заорал Данила. — Среди моих знакомых я такого не встречал.

Видно, он не читал Якуба Коласа и понятия не имел о его героях. Или спьяна не мог сообразить, что от него требуется.

— Ах, ты не знаешь, кто такой дед Талаш?! Вот сейчас узнаешь, — с этими словами первый хватается за ствол своей винтовки и замахивает-

ся на деда. Тот вовремя успел присесть за дрова на санях. Удар принимает толстое бревно на санях, при этом приклад отваливается...

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы из дома не выбежала молодая женщина.

— Ой, как нам нужны дрова, — воскликнула она. — Мы тебе, дед, последнюю куртку отдадим за них. Только продай нам. — И ласковым голосом — к пьяным полицейским: — Чего вы, хлопцы, шумите? Видите, дрова покупаю. А ты, Данила, бери своего напарника и заходи в дом. Сегодня на базаре хорошего самогона купила. Больно крепкий.

— Мы и пьем только крепкий, — сказал полицейский, что был пониже ростом. — Данила, опробуем ее самогон! — И полицейские, обнявшись, пошли в дом.

Подоспевший муж хозяйки стал быстро сбрасывать дрова с саней. Так же быстро принес из дома куртку и положил ее под сено, лежавшее на дедовых санях. На прощанье сказал:

— Пока я с вами полностью рассчитался... Правда, куртка не совсем новая. Приезжайте почаще, подыщу более новую.

Дед поспешил в обратный путь. По дороге все подгонял лошадь: быстрее, быстрее...

Кто ездил на лошадях, знает, что домой они и сами бегут быстрее. Дед торопит лошадку, а сам

думает: «Скорее бы доехать до старого дуба». Он уже издали заметил следы, ведущие из леса к дороге. Так и есть: его встречают. Поздоровавшись с разведчиками, дед поведал о своем приключении. Молодые парни-партизаны посмеивались:

— Ну и дед, — зубоскалил Вася-москвич. — Ты не только связь восстановил, но и боевое оружие полиция вывел из строя.

Его напарник, Витя-сибиряк, тут же подхватил:

— Полицейский, наверное, винтовкой задел твою колючую бороду. Она же у тебя волшебная.

Дед стоял и улыбался. В разговор вмешался командир разведчиков:

— Деда нужно к награде представить за выполнение боевого задания...

Шло время. Все чаще слышал дед от своих земляков о боевых действиях партизан на ближайших дорогах. Как-то приехал сосед из Заславля и рассказал, что партизаны отбили у немцев большой обоз с хлебом. Хлеб предназначался для отправки в Германию. На дороге, ведущей в Воложин, партизаны уничтожили две машины с карателями... Жители окрестных деревень открыто говорили, что в здешних лесах активно действует партизанский отряд бывшего

командира погранзаставы Павла Иваныча Корня. Похоже, складывалась целая партизанская зона в районе. Партизаны стали приходить в деревню даже днем. Собирали людей, читали сводки о положении на фронте. Дед в душе радовался переменам к лучшему. Тихо гордился, что он внес свою крупицу в эти перемены.

Как-то днем пришли к деду Прокопу командир отряда Корень и комиссар Иван. Павел Иванович, улыбаясь, сказал;

— Жму вашу руку, дед... Мы пришли просить руки Насти. За комиссара прошу. Сам он скромничает. Политработник хороший. Думаю, и зять будет неплохой.

Добрым огоньком загорелись глаза у деда.

— Время больно тревожное, — сказал он больше для приличия, и тут же дал согласие.

Сам взялся гнать самогонку для свадьбы...

Партизанская свадьба! Мне довелось увидеть ее детскими глазами. Помню до сих пор все в мельчайших подробностях. Особенно, как молодые, стройные ребята, перетянутые поясными ремнями, у каждого по маузеру, на головах высокие шапки-кубанки, перешитые красными лентами, из-под которых выбиваются русые и черные кудри, отплясывали гопака, чечетку, польку... Крестьянские свадьбы испокон веку играли в двух хатах. В одной угощали приглашенных, в

другой — танцевали и пели. Также было и на этот раз. Дед с соседями жил дружно, те ему и отдали для танцев свой дом. Гуляли только одну ночь. Наутро все стихло. В этой тишине незримо присутствовала война. Дедов зять скоро уехал в отряд. Появлялся наездами. Как-то на радостях дед похвастался нам, что ждет двенадцатого внука, и что принесет ему эту радость младшая дочь Настя. Была у деда такая слабость — делиться с нами, детьми, как со взрослыми, любыми новостями: и хорошими и плохими.

Не сбылись дедовы мечты. Не суждено было увидеть свет его двенадцатому внуку. Трагедия разыгралась вскоре после свадьбы...

Тот самый Петрусь, что сватался к Насте перед самой войной и получил отказ, пошел служить к немцам в полицию. Дождался своего часа.

Командование отряда, в котором воевал дедов зять, должно было объединиться с небольшим соседним отрядом. Такая депеша была получена накануне от Минского подпольного обкома партии. Решили послать комиссара и нескольких разведчиков для согласования деталей.

— Отпустите вы меня сегодня домой, ведь у меня жена молодая, — уговаривал Иван командира. — Наутро разведчики зайдут за мной. От деда Прокопа и поедем к соседям.

На том и порешили.

Но враг оказался на сей раз хитрее и коварнее. На рассвете из поселка, где располагался немецкий гарнизон, выехало несколько подвод. На них сидели люди в красноармейской форме, вооруженные разнообразным трофейным оружием. На подводах стояли два ручных пулемета. Проехав старосельский лес, подводы направились к нашей деревне. Когда подъехали к дедовой хате, остановились. С них спрыгнули несколько здоровых мужчин. И — бегом в дом. Дверь оказалась незакрытой. В спальне на кровати крепким сном спал комиссар со своей женой. Навалились черные вороны на спящего Ивана, тщетно пытался он протянуть руки к оружию, лежавшему под подушкой. Вражья сила взяла верх над красным комиссаром. Связали ему руки и привели в большую комнату. Посадили на лавку, стоявшую у стенки. А рядом — беременную Настю. В дом вошел Петрусь с винтовкой в руках.

— Теперь ты можешь рассчитаться с ними, — сказал ему старший полицейский.

Петрусь сел за стол, положив перед собой винтовку. Оказалось, что сел он на то же самое место, что и во время сватовства. Только не было перед ним угощенья и вина. А лежит винтовка с

черным клеймом. И ее черный ствол направлен прямо в лицо женщине. Настя не стала просить милости у предателя ни для себя, ни для будущего ребенка. Выражая свой посильный протест, она повернулась лицом к сидящему рядом мужу. Иван сделал тоже самое. Так они смотрели друг на друга, пока не грянул первый выстрел. Первым упал, заливаясь кровью, комиссар. После второго выстрела рядом с мужем легла и Настя. Убийца хладнокровно встал из-за стола. Открыл сундук, порылся в вещах. Ничего особо ценного для себя не нашел, взял только два рулона самодельною полотна, вышел из хаты и положил трофеи на повозку рядом с сидящим на ней полицейским.

— Моя добыча, — сказал всем. — Не трогать.

В это самое время и шли к деду Прокопу партизанские разведчики. Они должны были, как и было условлено вчера, забрать своего комиссара и ехать с ним в соседний отряд. Как только разведчики вошли в деревню, первым их заметил дед Прокоп:

— Защитите нас от грабителей...

— Какие грабители, где они?! — насторожились разведчики.

— У меня в доме...

— Пойдем посмотрим, что там за налетчики.

Зашли в дом — перед ними трое.

— Кто такие?

— Партизаны-котовцы, — ответили те.

— А почему занимаетесь грабежом?

— Командир нам разрешил.

— Где ваш командир?

— На том конце деревни. С вашим комиссаром беседует.

— Идемте к комиссару... Там и разберемся.

Короткая летняя ночь уже отошла от деревни. Над широкой крестьянской улицей поднялся рассвет. Стояло теплое летнее утро. В садах и огородах щебетали и пели птицы, встречая солнце. Особенно заливались в трелях скворцы у своих скворечен. С лугов, опоясывающих деревню, поднималась теплая испарина. На крестьянских дворах просыпались индюки, гуси, задиристо горланили петухи.

В это прекрасное утро трое партизан и трое полицейских шли к дому деда Прокопа. Не думали партизаны, что рядом с ними предатели, надевшие красноармейскую форму, снятую с убитых советских солдат, погибших в первых боях за свою землю. Не знали партизаны, что их комиссар и его молодая жена предательски убиты полчаса назад. И что на них самих из-за угла сарая уже смотрит смерть. Не дойдя метров две-

сти до дедова дома, трое полицаев падают на землю. В эту самую минуту из засады застрочил пулемет. Двое партизан сразу упали замертво посреди улицы. Третьему удалось вырваться из огненного кольца. Какой-то десяток метров не добежал он до старой бани на краю деревни. Здесь и настигла его предательская пуля... Дед Прокоп успел скрыться в лесу.

Похоронив близких, он еще больше ссутулился и постарел. Духом совсем не упал, стал больше работать. Я его видел все время при деле. По-видимому, тяжелый физический труд притуплял душевную боль. Надо быть очень сильным человеком, чтобы пережить такое горе.

САДОВАЯ УЛИЦА

Адрес, который лежал в кармане солдатской гимнастерки, по дороге согревал Андрея предстоящей встречей с землячкой. Накануне он получил письмо из дома. Его школьный товарищ писал: «Не скучай, солдат. В том самом городе, где ты служишь, живет моя сестра. Она учится в техникуме. Как только получишь увольнение, обязательно заедь к ней в гости». Еще он сообщал, что Зина, так звали его сестру, снимает угол вместе с подругой в частном доме, и что у хо-

зьяйки есть две молодые дочери. В общем, в обществе девушек можно весело провести время.

Андрей — невысокий, худощавый паренек с мальчишечьим лицом, спокойный по характеру. Однако военная форма придавала ему какую-никакую солидность.

И вот он подшил к гимнастерке белоснежный воротничок и до блеска начистил сапоги. Командир, который вручил ему увольнительную, рассказал, как можно доехать до Садовой улицы.

На дворе был май месяц. Сады стояли в бело-розовой кипени. После душной казармы дышалось удивительно легко. Это был тихий район старого города. Многие здесь напоминали Андрею его далекую деревню: и низкие деревянные домики, и аромат цветущих садов, и тишина, в которую, казалось, была погружена вся улица.

Довоенный одноэтажный старый дом ничем не отличался от своих соседей. Его фундамент уже давно ушел в землю. Небольшие три окна были расположены так низко, что через любое из них из палисадника можно легко войти в дом. А у крыльца глаз радовали пышные кусты сирени и жасмина.

Калитку открыла невысокого роста женщина с русыми волосами, голубыми глазами и добродушным лицом. Не успел Андрей сделать за хо-

зайкой и десяти шагов, как та, обращаясь к девушкам, сидящим в беседке, громко сказала:

— Девчата, к нам гость!

Заметив парня, Зина выбежала из беседки, воскликнув:

— Андрей, вот уж не ждала!

А подруга, улыбаясь незнакомцу, добавила:

— Пошли нам Бог богатого, да неженатого...

На громкий разговор из дома вышли дочери хозяйки. Старшая, Алла, — красивая девушка с румяным личиком. Когда она улыбнулась, на щечках появились симпатичные ямочки. Инна была на два года младше — стройная, нежная, как богиня.

Теплый весенний вечер располагал к дружеской беседе. Алла принесла самовар. На столе появилась ваза в печенье и сушками. Всеобщим восторгом встретили хозяйку с пирожными. Алла села рядом с Андреем и наливала чай, то и дело подкладывая в его чашку кусочки сахара. Парень неловко говорил ей «спасибо» и слегка смущался. Если бы умудренный жизненным опытом человек понаблюдал за ними со стороны, он бы заметил, что молодые люди весьма симпатичны друг другу. Андрею показали мгновением те несколько часов, которые он провел здесь. Нужно было возвращаться в часть. Зина и Алла решили проводить его, взяв

с паренька слово, что при первой же возможности он придет к ним опять.

Визиты Андрея в домик на Садовой стали частыми и обычными. Возможно, солдат скучал по домашнему уюту, его тянуло к добрым людям.

— Уж не влюбился ли ты случайно, парень? — шутил командир, когда Андрей получал увольнение в город.

Солдат все чаще задавал себе вопрос: «К кому же идет он?..» А внутренний голос шептал, подсказывая: «Ты давно не видел Аллу!»

Накануне в части были стрельбы. За отлично выполненное задание полковник Жигалов вручил Андрею значок «Отличный стрелок». А позже к нему подошел Николай, шофер командира части, и похвалился, что ему в выходной разрешено на машине поехать на озеро.

— И тебя взять велено, — улыбнулся Николай.

— Да ну! — обрадовался Андрей. — По такому случаю у меня есть предложение: пригласить на озеро и моих девчат.

В воскресенье, как и было условлено, заехали на Садовую. Дружно поддержали их затею Алла и Зина. По дороге молодые люди много шутили и смеялись.

Теплый и солнечный день благоприятствовал загару и купанию. Зина разговорами развлекала

молчаливого Николая. Алла то и дело обдавала брызгами Андрея и громко смеялась, отчего милые ямочки еще больше украшали ее. Потом девушка легла на песок и притихла. Быстро заметив смену настроения, Андрей подумал: «Что это с ней?».

— Пойдем погуляем в тени деревьев, — предложил он. — Чего грустишь?

— Ты скоро демобилизуешься и уедешь домой... А как же я? — Она замолчала, но смысл недосказанного молнией пронзил Андрея. «Так вот в чем дело!» — Он привлек девушку к себе. — Никуда я из вашего города не уеду. Это решено.

Незаметно пролетело время. Одна пора года приходила на смену другой. Наступил долгожданный дембел. Андрей остался в городе и поступил на курсы киномехаников. Алла заканчивала техникум.

Вечерами Андрей и Алла подолгу засиживались в своей беседке, читали друг другу стихи, строили планы на будущее. После той памятной для обоих поездки они открыли свои чувства и больше не стеснялись друг друга. Им было настолько хорошо вдвоем, что, казалось, ничто не могло помешать.

После окончания курсов Андрея направили в район. Он скучал по своей любимой, а во сне

часто видел ухоженный двор с беседкой и старый дом на Садовой.

Спустя год, вернувшись в город, парень первым делом пошел по привычному адресу. Но вместо улицы его взору предстали развалины, а на месте дома, которому он был стольким обязан, осталась лишь груда красного кирпича. Кирпич блестел на солнце, словно костер с непотухшими углями. Не на этом ли костре сгорела юность Андрея? А может, и любовь?

Лишь у развалин соседнего дома будто ожидал кого-то понурый тощий пес. Да это же соседский Рекс! В новой благоустроенной квартире, куда переехали хозяева, для него не хватило места. «Почему так жестоки люди?» — с горечью подумал Андрей и зашагал прочь.

...Через некоторое время в городском парке он встретил Аллу. Она шла под руку со своим мужем, упорно не замечая Андрея. А когда улыбнулась и милые ямочки вновь заиграли на ее лице, сердце Андрея больно заныло — ее улыбка была адресована не ему.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

Судьба этой женщины во многом схожа с судьбами ее сверстниц. Им выпало в жизни много тяжелых испытаний. Мария Константиновна

вынесла их достойно, потому что всегда считала, нередко повторяет и сейчас: «Человек человеку должен делать только хорошее. Отданная другим доброта вернется к нему самому».

Родилась и выросла Мария Константиновна Костюкович в многодетной крестьянской семье, жившей на небольшом хуторе неподалеку от Минска. Как почти во всех подобных семьях, достаток у них был более чем скромный. После смерти Ленина, ее отцу было приказано сельсоветом перевезти свой дом в деревню. А как вступили в колхоз, то и вовсе зажили впроголодь. За трудовень отцу и матери колхоз ничего не платил. Чтобы как-то кормиться, приходилось отправлять старших детей в город, на заводы. Вот тут и подвернулся случай выдать Марию замуж. Увидел ее как-то городской парень. Понравилась ему селянка. Белокурая, скромная, совсем юная. И стал тот парень свататься. Сам он раньше уже был женат. Жена умерла от родов. Остался сын. Хотя и был жених по годам старше Марии, имелось у него два преимущества перед невестой: во-первых, он работал кузнецом на заводе «Серп и молот» и зарабатывал хорошо; во-вторых, имел в городе жатковскую квартиру.

Так Мария стала горожанкой. К новой обстановке скоро привыкла. Женщина она была хотя

и неграмотная, но смекалистая. Принесет, бывало, муж зарплату домой, а сам выпивши. Так она ему по-хорошему скажет: посчитала, мол, получку. За деньги, которые ты пропил, как раз ботинки бы Павлику купили. Раз-два так вот обмолвилась — и встало все на свои места.

Но мир и любовь в их доме были недолгими. По городу все настойчивее ходили слухи о том, что ночами забирают людей в тюрьму. Среди соседей царили недоверие и подозрительность. Шел 1937 год. На днях соседка сказала Марии, что Ежов из Москвы прислал «тройку», которая хватает невинных людей. Скоро и в дом Костюковичей пришла беда. Поздно ночью к ним в квартиру постучали. Дверь открыл муж. Вошли трое здоровых мужчин. «Вот она, тройка, — подумала Мария. — Надо же — пришли...»

— Вы будете Иосиф Костюкович? — спросил один. И после утвердительного ответа предложил пройти с ними, мол, надо-де уточнить кое-что о прошлом.

Как увели тогда мужа, так и не вернулся он больше домой. Все годы она жила надеждой: авось, отпустят, ведь он ни в чем не виноват...

Мария растила детей и горевала, не хотела верить, что ее Иосифа нет в живых, как и многих, арестованных в те годы, невинных людей.

Только в 1958 году ей выдали справку о посмертной реабилитации мужа.

Не было у Марии злости на власть. Обида только. Как же так? Невинного человека загубили...

А когда в наш общий дом, на нашу землю в 1941 году пришла беда — женщина доказала свою преданность Советской власти. Рискуя собственной жизнью и жизнью своих детей, она стала помогать минскому подполью. Так для Марии Костюкович началась новая жизнь в оккупированном городе.

По улицам города немцы часто гнали военнопленных и арестованных советских людей. Мария нет-нет да и наталкивалась на это ужасное зрелище. И каждый раз сердце ее сжималось от боли: голодные, исхудавшие, оборванные шли наши люди под конвоем. Куда их гнали и откуда — никто точно не знал. Однажды она напекла блинов из шайморов, картофеля, который перезимовал в поле, и раздала пленным. Другого ничего не могла предложить несчастным. Сама с тремя детьми жила впроголодь.

Так она делала не раз. Но однажды во время очередной такой передачи произошел трагический случай. И было все так.

С самого утра Мария напекла картофельных блинов и стала посматривать в окно, на улицу,

не идет ли колонна. Даже форточку открыла, чтобы вовремя услышать топот. И первое, что она услышала, были грубые окрики конвоиров:
— Шнэль!.. Шнэль...

Быстренько подхватив узелок с блинами, Мария выбежала на улицу и увидела, что вся колонна состоит только из военнопленных, но конвоиры были одеты в иную форму — все в черных мундирах со свастикой на рукавах. И гнали колонну не в город, как обычно, а наоборот — из города, в сторону Болотной станции. Взгляд Марии остановился на исхудавшем, еще совсем юном солдате. Она на минуту забыла о том, что нельзя совсем близко подходить к колонне, подбежала к пареньку и протянула ему блин. В ту же минуту удар плети полоснул ее по руке. Окрик конвоира заставил отскочить в сторону. Лепешка упала на землю. Пленный сделал попытку поднять ее, но конвоир полоснул его штыком. Товарищи, что шли рядом, подхватили раненого под руки и повели с собой, не давая упасть. От отчаяния, боли Мария заплакала и пошла к дому. Не успела она отойти от злополучного места и десяти шагов, как услышала позади себя женский голос:

— Женщина, подождите!

Мария обернулась и увидела незнакомку.

— Вы очень расстроились... Да, мы живем в страшное время. Но настоящие, честные люди, как и вы, не должны мириться со злом, — продолжала женщина. — Надо бороться... Самое нелепое и обидное, что гибнут лучшие... Злые и подлые остаются жить.

Мария только теперь стала приходить в себя от испуга. Перед ней стояла невысокая женщина лет тридцати. Глаза большие, серые. На голове крепким узлом закручена толстая русая коса. В народе про таких говорят: волос богатый — человек крепкий. В руках она держала увесистую хозяйственную сумку. Манера спокойно и убедительно говорить, независимо держаться свидетельствовала о том, что это человек убежденный в своей правоте. После короткой паузы незнакомка продолжила:

— Я давно за вами наблюдаю. Мне кажется, что у вас доброе сердце. Как вас зовут?

— Мария.

— И меня — Мария, — улыбнулась незнакомка. — Мария Осипчик. Я приехала из Логойска, чтобы обменять продукты на одежду.

— А я — рядом здесь живу... Зайдемте ко мне. Возможно, я у вас что-нибудь выменяю. Ведь у меня трое малых детей, их надо чем-то кормить.

Женщины пошли вместе по улице. Вскоре свернули в небольшой дворик и остановились у одноэтажного деревянного домика с тремя крылечками, типичного домика, каких было много в довоенном Минске. По лестнице они прошли на небольшую веранду, оттуда — в квартиру. Осипчик бросилось в глаза, что все три небольшие комнаты, из которых состояла квартира, почти пустые. «Мебель и вещи, видно, давно уже променяли на хлеб», — подумала гостя. В одной из комнат на полу играли трое малышей дошкольного возраста...

После этого знакомства Мария Осипчик стала часто бывать в доме 17, что на 7-й Линии.

Однажды она приехала поздно вечером и была заметно чем-то расстроена. Утром за скудным завтраком нерешительно спросила, не пойдет ли Мария с ней к лагерю военнопленных.

— Понимаете, тут какое дело, — начала объяснять. — Несколько дней назад немцы пригнали в Минск военнопленных. В основном командный состав... Хотелось бы хоть чем помочь им.

Значительно позже Мария узнает, что Осипчик — связная партизанского отряда, действовавшего в Логойских лесах. Сейчас же знала о ней лишь то, что она учительница, замужем, муж — летчик, детей двое. И не знала Мария того, что на сей раз пришла Осипчик в город с

конкретным заданием: помочь освобождению заместителя командира партизанского отряда, попавшего в плен во время последнего боя с карателями.

Упрятав в узелок яйца, самогон, золотое колечко — все, что привезла Мария для выкупа, женщины отправились к охраняемой зоне. И надо же — на этот раз им крупно повезло: когда подошли к проволочному ограждению лагеря, Осипчик сразу увидела Костю Скворцова. Он стоял недалеко от барака, облокотившись на пустую бочку. По-видимому, был ранен в ногу и руку. Женщины подошли к охраннику, развязали узелок и показали, чем он наполнен. Осипчик все время повторяла:

— Тот солдат, что стоит у бочки, есть муж этой женщины, — показала на Костюкович. — Отпустите его домой.

При виде самогона на лице охранника появилась улыбка. Он несколько раз сказал «гут» и позвал офицера. Они долго говорили между собой на непонятном для женщин немецком языке. После разговора с офицером охранник взял из рук Марии узелок и ушел в зону лагеря. Через несколько минут товарищи под руки привели Костю Скворцова на пропускной пункт. Офицер на ломаном русском языке пояснил:

— Ты — есть муж, твой жена берет тебя!

Так партизанский командир оказался в квартире Марии Костюкович.

Костя начал поправляться. А со временем и вовсе окреп. Возьмет, бывало, младшую дочь Марии Люду и пойдет гулять по городу. Так-то безопасней. Нужно было налаживать связи с подпольем. Для соседей он был примаком. «Пусть будет мужем, — согласилась она. — Для дела так лучше».

Все это было обыденно. В то тяжелое время немало военнопленных оставались в примаках у незамужних женщин. Осипчик регулярно приходила к ним. Скоро и у Скворцова появились знакомые. Однажды поздно ночью к Марии постучались.

— Скворцов здесь живет?— спросил незнакомец.

— Здесь.

— Мне надо на несколько дней укрыться у вас.

Мария спрятала гостя в летней кладовой. А через несколько дней окруженца благополучно переправили в лес. Вскоре и сам Скворцов возвратился в отряд. Соседям же Мария пожаловалась, что бросил-де бедную вдову, нашел себе, наверное, жену помоложе...

Вокруг Костюкович уже сложилась небольшая группа. Руководил ею дальний родственник

Марии Иосиф Гайский. Человек он был твердо-го характера, что и внешне проявлялось в спокойном достоинстве, с которым он себя держал. Были в их группе еще Павел Белов и Миша Небольшой. Всех их Мария хорошо знала еще с довоенных времен. Они жили на соседних улицах. Можно даже сказать, дружили семьями.

Павел Белов был и по натуре смелым, рискованным. Работал он шофером на продовольственном складе. Часто ездил в командировки за продуктами в Логойск, Червень и другие города. На дороге его встречали партизаны-разведчики из отряда и передавали через него листовки, взрывчатку для нужд городского подполья. Прятали же все это в погребе у Марии Костюкович. И незаметно квартира ее превратилась в явочную. Одна из многих тропинок, которые вели из оккупированного Минска в лес, брала начало на 7-й Линии. Но показывали эту тропинку самым надежным, хотя от провала никто не был застрахован.

Фамилия Миши Небольшого как нельзя более соответствовала его внешности. Печник и трубочист, он, как тогда говорили, числился на немецкой службе. Вот как он сам рассказывал о своей работе:

— Одевал я старую, лата на лате, телогрейку, брал в руки ведро и метелку, шел в немецкую

комендатуру. Там получал наряд для чистки печных труб в домах, где жили господа немецкие офицеры. При встрече с ними кланялся почти до земли...

Немцам и в голову не приходило, что этот маленький человечек может им чем-то навредить. А между тем Миша Небольшой, получив задание на чистку труб в офицерской столовой, по дороге заходил к Костюкович, брал из тайника мину, прятал ее в ведре под тряпкой. Затем лез на крышу и после чистки опускал привязанную на веревке мину в трубу. Время взрыва ставилось ближе к обеду. Было опасно. Да, каждый день, час могли стать последними.

Не менее опасным было и переправлять людей из города в отряд. Ведь сначала им надо было добыть оружие, без которого в отряд не брали. А хранили это оружие в тайниках Костюкович.

Весна 1942 года была на редкость капризной. После небольшого потепления резко похолодало, черно-синие тучи повисли над спящим городом. Весь город был окутан пасмурной дымкой. Только на восточном горизонте ярко выделялось красное облако. С темных туч на серые крыши домов и унылые улицы города падали большие снежные хлопья, образуя мокрые, грязные лужи.

Мария почти не спала. Только за полночь она отправила группу из города к партизанам. Вро-

де и на сей раз все было оговорено до мелочей: где встретит их связной, когда и как безопасней выйти из города. Всему этому Марию научил Костя Скворцов, пока жил и лечился в ее доме.

— Гляди, Мария, на каждого человека очень внимательно... Хорошенько проверь, прежде чем открыться, — поучал он. — Иначе — погибнешь и детей погубишь.

Мария только под утро заснула тревожным сном, и тут же услышала стук в оконную раму. Быстро поднялась, приблизилась осторожно к окну. Увидев вооруженных людей, чуть не упала замертво от страха. Первое, что пришло в голову — провал. Оказалось, группа вернулась, не встретив связного в условленном месте. Опять Мария спрятала оружие. Надо снова ждать удобного момента.

Костюкович и в мыслях не могла допустить, что Марию Осипчик выследили и задержали немцы, что ее жестоко пытаются в гестапо, но она молчит, не выдала ни одной явки...

Однако тревога и предчувствие беды у Костюкович нарастали с каждым днем. И только всплывавшие в памяти слова Осипчик, сказанные как-то твердо и убедительно: «Я не выдам твоих детей на погибель, пусть даже сама погибну», — успокаивали ее. Время тянулось медленно. Никто из отряда не приходил. Ждать ста-

новилося невмоготу. Нет ничего мучительнее, чем неизвестность. И, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей, она решила сходить на Комаровский рынок. Не успела пройти и тридцати шагов от своего дома, как с ней поравнялся незнакомый человек.

— Вы Костюкович? — спросил он.

— Да, — ответила Мария.

— Вам привет от Скворцова. Временно все связи с подпольем надо прекратить. В группе провал, Осипчик арестована... — Все слова незнакомец произнес скороговоркой, тут же прибавил шаг и свернул в сторону.

От такой страшной новости у Марии подкашивались ноги, холодело в груди. Но она все же пошла на Комаровку. Ничего не покупала, только искала глазами знакомых. Вдруг еще что-то да узнает о судьбе своих. Проходя мимо одного из прилавков, она увидела Соню — жену Миши Небольшого. Та как-то шарахнулась в сторону. Мария быстрыми шагами нагнала ее, спросила, как дела. Ответа не получила. Глаза у Сони ввалились, лицо почернело. Когда они вышли с базара, Соня начала рассказывать о своем горе.

— Миша сидит в тюрьме... Павла Белова тоже схватили. Я с детьми чудом избежала ареста... Вместе нам долго стоять нельзя. Могут следить.

Мария позже узнает, что у Иосифа Гайского в то же самое время арестовали жену. И пришли немцы к Гайским под видом партизан: в городе, мол, аресты, а ваш муж, руководитель наш, ушел в лес, и мы вам желаем добра: хотите пойти с нами в лес?.. Доверчивая женщина собрала кое-какие вещи и пошла с ними. Те привели ее в гестапо. Допросы шли и днем и ночью. Больше всего их интересовал пароль, которым муж пользовался при связи с отрядом, кто к нему приходил, с кем встречался. Но Гайская им не могла ничего сказать по той простой причине, что сама ничего не знала. Муж ее не посвящал в подпольную работу.

Скажу сразу, что София Гайская прошла Освенцим и осталась жива. И всю оставшуюся жизнь молилась Богу. Была убеждена, что это Он, Всевышний, спас ее от неминуемой смерти.

По дороге домой Мария вспоминала прошлые неудачи, людей, с кем делила тяготы оккупации и борьбы.

Как-то, выполняя поручение Павла Белова, она должна была перевезти взрывчатку из своего погреба в дом на улицу Подлесную и отдать человеку по кличке «профессор». Заранее была придумана легенда. Наняли лошадь для поездки в деревню за продуктами к брату Марии, жив-

шему недалеко от города. Сразу завезли и передали «профессору» взрывчатку. Уже без опасного груза Мария с двумя детьми побывала в деревне. При возвращении на подъезде к улице Островского на них налетел немецкий грузовик. Лошадь упала замертво. Мария получила повреждение бедра. Дети остались живы. К счастью, рядом оказались добрые люди. Марию доставили в больницу, а детей — домой. По тем тяжелым временам к Марии отнеслись хорошо. Лечили, чем могли. Как-то раз при врачебном обходе Мария стала благодарить доктора. А тот нагнулся к самому уху и тихо сказал:

— Не надо благодарить. Мы знаем, кто вы... Наш долг помочь вам и поставить в строй. Мы делаем одно общее дело, приближаем освобождение нашей Родины.

Только после освобождения Минска Мария узнала, что в больнице так же действовала одна из городских подпольных групп.

Вскоре Мария вернулась домой к своим детям.

Спустя несколько дней в квартиру к ней постучались трое незнакомых. Двое мужчин и одна женщина. Одеты неважно. Только лица гладкие да злые глаза чем-то отталкивали Марию от них. Мужчины молчали, говорила женщина.

— Помогите нам, — умоляла она. — Подскажите, как попасть в отряд Бумажкова. Мы с Большой земли. Нас выбросили десантом. Никого здесь не знаем...

Мария опять вспомнила наставления Кости Скворцова. Да, она должна внимательно присматриваться к каждому человеку. Уж больно эта троица подозрительная — все откормленные, ухоженные. У женщины во рту поблескивали золотые зубы. «Наши не такие, — уверенно подумала Мария и сказала:

— Если вы с Большой земли, то лучше скорее уходите. Я немцам белье стираю. Они скоро придут и могут вас увидеть. Тогда не сдобровать ни вам, ни мне. А у меня дети... Да мне с вами не по пути. Большевики моего мужа посадили в тюрьму... Уходите. Я вам ничем помочь не могу.

После их ухода наступило затишье. Но эта тишина была зловещей. В любую минуту она могла обернуться трагедией для Марии и ее детей.

И вот однажды пришли двое в штатском. Сказали, что ей надлежит пройти проверку в городской комендатуре. Привезли же ее на улицу Натуралистов в мрачное, серое одноэтажное здание. Все окна в нем были закрыты решетками, фасад утопал в земле. По-видимому, внизу были глубокие подвалы. Так и есть, спустились в

подвальное помещение. В конце узкого полутемного коридора — часовой с автоматом. Сопровождавшие велели Марии ждать, а сами исчезли за дверью. Стоит она, ждет, а сердце бьет тревогу: беда!

Это же гестапо, а не какая-нибудь там городская комендатура. Мучительно тянется время. Дверь нет-нет, да и приоткрывается. И тогда до Марии долетает душераздирающий крик жертвы палачей. Словно сами стены стонут здесь от боли, нагоняя ужас. С каждой минутой ожидание становилось невыносимей. Кажется, каждая клеточка тела протестует против насилия. Наконец часовой толкнул Марию в полуосвещенную квадратную комнату. Она не сразу заметила, что по углам с четырех сторон стоят гестаповцы, одетые в черные мундиры. Держат на поводках овчарок. С противоположной от Марии стороны в серой стене открылась потайная дверь. Палач толкнул женщину, которая еле держалась на ногах и сразу оперлась о стенку. Трудно в ней было узнать Марию Осипчик.

Начался допрос.

— Ты знаешь эту женщину? — взревел гестаповец, указывая пальцем на Костюкович.

Осипчик отрицательно покачала головой.

Вопросы и угрозы повторялись несколько раз. Тогда немцы спустили с цепей овчарок и те на-

чали рвать измученное тело Осипчик. Она упала на цементный пол. Сил подняться, видно, не было. Но и лежа продолжала отрицательно качать головой.

...Костюкович не помнила, как вышла из этого страшного подвала, как пришла домой. Казалось, это кошмарный сон. Почему она осталась жива? Ведь смерть была совсем рядом...

Мария Константиновна живет в Минске. Вместе с ней — дочка с зятем и внук. Девятого мая мы пришли к ней, чтобы поздравить ее с днем Победы. На мой вопрос, кто из ее соратников по подпольной борьбе остался жив, она ответила;

— Все, кто был тесно связан со мной, выжили. Кроме Марии Осипчик.

О Косте Скворцове она не сказала ни слова. А мне не хотелось ворошить ее старую рану.

Послесловие

ЧЕЛОВЕК ШИРОКОЙ ДУШИ

Когда-то в ранней юности, читая и перечитывая стихи Пушкина, Есенина, Лермонтова, искал я ответ на изначальную тайну творчества.

Что такое поэзия?

Почему душа моя, соприкасаясь с душой великого поэта, то замирает от нежности, то плачет и страдает, то, охваченная огнем гордости, устремляется к звездам, к Солнцу, к Богу?..

Спустя много лет, приобщившись к литературе, нашел я разгадку к тайне творчества: родник всего прекрасного — в душе человеческой.

И вот — судьба свела меня с человеком на вид непозитического склада, скромного и как бы незаметного в городской толпе. И трудно догадаться, что в прозаической телесной оболочке его души так звонко журчит ручеек, переливается золотистыми бликами на солнце, ласково играет с разноцветными камешками — несет людям несказанную красоту свою.

Представим и себя сидящими в струях зеркально чистой воды Ислочи. Омывают тело ласковые воды ее, душа избавляется от житейской скверны, хочется жить и работать, верить в доброе и светлое. И где-то

такое же ощущение от прочитанной книги Валентина Панкевича, ибо много в ней душевного тепла и сердечной любви к людям, жизни и природе.

Анатолий ЖЕЛЕЗОВСКИЙ,
писатель

Содержание

Поэзия

СОРВАННЫЙ ЦВЕТОК	5
ПОЭТ И РУЧЕЙ	5
ОСЕНЬ	6
* * * Ты — память юности моей	7
СНЕГОПАД	7
НАРОЧЬ	8
ЛЮДЯМ XXI ВЕКА	9
ВЕРА	9
ОСЕНЬ	10
АКСАКОВЩИНА	11
МЕЧТА	11
ЗАКОН ВОЗМЕЗДИЯ	11
ГОНОРАР	12
ВАЛЯ	13
ОСЕНЬ	13
МЕЛУЖИ	14
ИСПОВЕДЬ	14
* * * Я не придворный поэт	15
У МОГИЛЫ МАТЕРИ	16
ЛИМАН	16
СТАРИКИ	17

Проза

УБИЙСТВО В СЕВЕРНОМ	18
1. На месте преступления	18
2. Мира	23
3. Ниточка	26
4. Вторая встреча	28
СУМКА	33
КОЛОДЕЦ	38

ВЫДРА	40
САЛО	43
СЛУЧАЙ	46
МУЖИК И ОБОРОТЕНЬ	48
БАЛЛАДА О ПРЕКРАСНОЙ ЛОШАДИ	50
МАЛИНОВКА	54
НА НАС НАПАЛИ	55
ЛЮБОВЬ К СВОБОДЕ	57
СУДЬБА	62
ВОРОНЕНОК	68
НА ОЗЕРАХ	72
ГАДАЛКА	76
МИХЕИЧ	79
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА	83
МЕСТЬ И ЛЮБОВЬ	101
РАДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ	107
СВАТЫ	110
ВОРОНЕНОК И ВОРОНЬЕ	112
ФРАНОК	115
ШУТКИ ЛЕШЕГО	118
ЛАСТОЧКА	120
В ЛЕСОПАРКЕ	123
ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ	125
КАЛИНА	127
ДУМАЛИ, ЧТО ЭТО ДУША	129
СУДЬБА МАЛИНОВКИ	130
ЛЕТНИЙ БУКЕТ	132
О ВРЕМЕНИ И О НАС	133
СИЛЫ ЗЛА	136
ОВСЯНКА САДОВАЯ	138
КЛУБНИЧКА	141
ГРИБНИК	143
НАХОДКА	144
ПАРТИЗАНСКИЙ ДЕД	145
САДОВАЯ УЛИЦА	161
СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ	166

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А. ЖЕЛЕЗОВСКИЙ. Человек широкой души	184
--	-----

Литературно-художественное издание

Панкевич Валентин Георгиевич

Искры росы

Стихи, проза

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Н. Рожкова*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*

Ответственный за выпуск *А. Аношко*